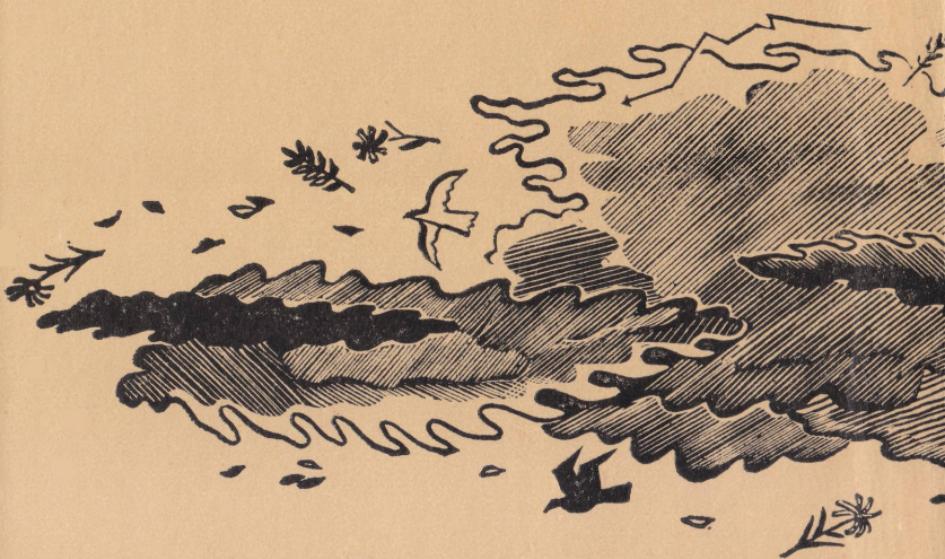




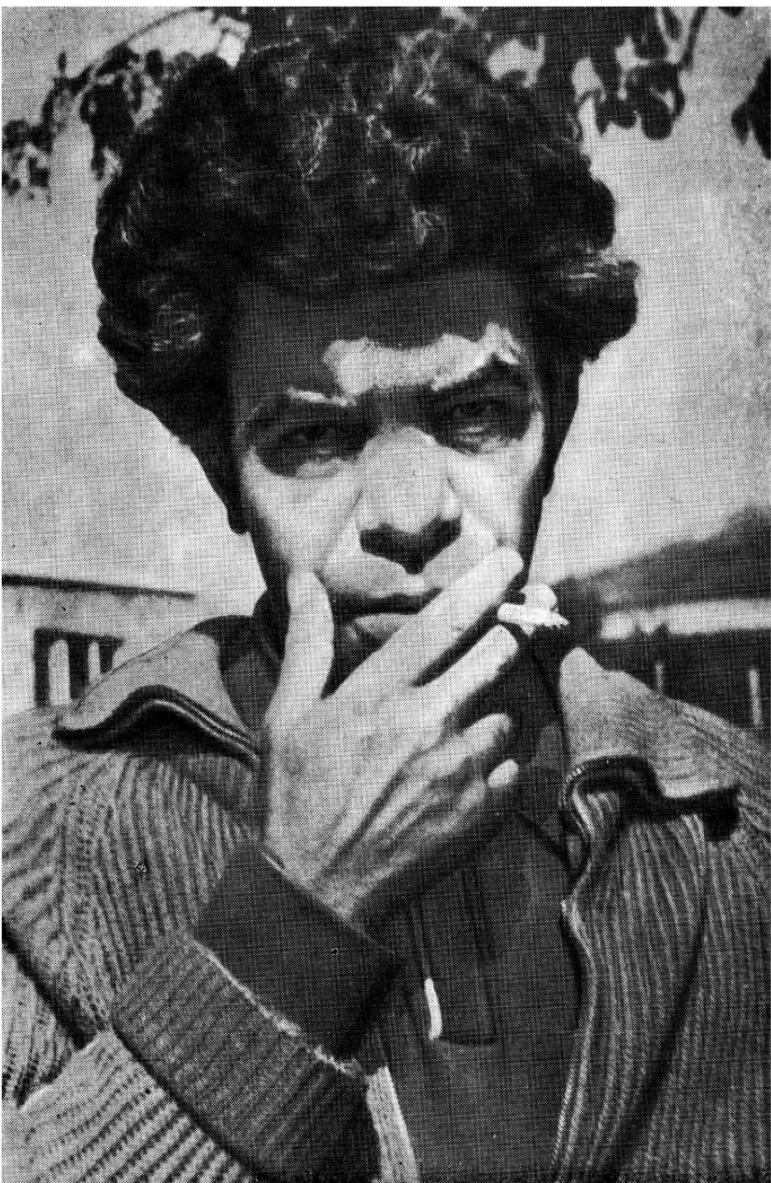
ПАРУЙР СЕВАК

ИЗБРАННОЕ









ПАРУЙР СЕВАК



СТИХИ

Перевод с армянского



МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

С (Арм) 2
С 28

Вступительная статья
Э. МЕЖЕЛАЙТИСА
Составление
М. АВАКЯН и А. АРИСТАКЕСЯНА

Художественное оформление
А. ГОЛИЦЫНА

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

С 70403-246
028(01)-75 117-75

ПЕВЕЦ ДОБРА И СВЕТА (1924—1971)

Мое знакомство с Паруйром Севаком было не совсем простым и вместе с тем самым простым и естественным для нас, людей XX века. Сначала я узнал, что в Армении, этой стране поэзии, талантливо переводится новейшая литовская поэзия. Эти переводы стали событием, о котором много говорилось и писалось. Я очень хотел познакомиться с молодым поэтом, который перевел литовцев на армянский язык. Но тогда это знакомство не состоялось. По периодике я следил за появляющимися время от времени стихотворениями этого поэта. Они казались мне новыми и интересными. Но тогда их еще было не много, поэтому полного представления о поэте мне составить не удалось.

...А познакомились мы с Паруйром Севаком при необычных обстоятельствах: высоко над землей, в воздушном лайнере. Реактивная птица XX века, широко распластав свои звездные крылья, несла нас в Будапешт, где должен был состояться разговор поэтов разных стран о поэзии. Мой спутник крепко пожал мне руку, представился, и у нас сразу же начался разговор по существу. Впечатление было такое, что мы продолжаем в самолете, попивая кофе, только вчера прерванную беседу. Разговаривали мы как старые добрые знакомые. Нас давно уже объединяли родственные поэтические связи, близкие взгляды, схожие критерии и творческие искания.

Я сбоку поглядывал на моего собеседника, на его своеобразное лицо, на его сверкающие глаза, на густые черные вихры и пытался вспомнить, где я уже видел это лицо. Я долго рылся в памяти, но безуспешно. Неожиданно я припомнил некоторые полотна мастеров Ренессанса. Вначале мне показалось, что я видел его на полотне Веронезе: такой же кудрявый молодой человек с подносом, на-груженным дарами земли, подходил к свадебному столу. Он нес людям радость, и поэтому художник изобразил его на первом плане своего полотна. Таково и назначение настоящего поэта. Потом я вспомнил еще одно полотно, на этот раз Рубенса. Увитый виноградными лозами, раскрасневшийся от солнца и вина, веселый лесной Пан словно говорил нам о брызжащей радости жизни. Мой собеседник напомнил мне и кудрявого рубенсовского Пана.

В личности Паруйра Севака, мне кажется, было что-то античное: проглядывало это и в его облике, и в манере говорить, и в его широкой душе. Это впечатление стало еще более определенным, когда я познакомился с его талантливым поэтическим творчеством и с ним самим. В армянской поэзии Паруйр Севак был смелым и оригинальным человеком. Таких людей обычно называют новаторами. Как когда-то великий гуманист Нарекаци или мудрый реалист Ованес Туманян, как позднее колдун в поэзии Аветик Исаакян или пламенный революционный поэт Егише Чаренц. Но новое и действительно ценное слово в поэзии можно сказать только тогда, когда хорошо усвоен весь исторический опыт человечества.

Паруйр Севак был не только поэтом, но и ученым. А также аналитиком. В стихотворении «Анализ тоски» он раскрыл нам аналитический метод своей поэтической лаборатории.

Я хочу разложить, расщепить тоску,
Словно химик, хочу подвергнуть
анализу и понять
Природу тоски и глубокую тайну
тоски.

(Перевод Ю. Мориц)

Таким образом, Севак приближается к методу современной поэзии, к присущему ей лабораторному анализу. Аналитический век требует и аналитического слова. Разум тренирует сердце современного поэта. В творческой лаборатории Севака ученый дополнял поэта, а поэт — ученого. Сердце и интеллект говорили на одном и том же языке. Севак был в подлинном смысле этого слова современным поэтом. За его динамичным, резко современным словом стоит весь богатый исторический и эстетический опыт человечества. И в первую очередь, конечно, опыт своего народа. Но для него, представителя социалистического гуманизма, национальный образ мышления уже был частью общечеловеческого опыта, так же, как и вся национальная культура. Имитация была бы для него дешевым псевдонациональным суррогатом, он не представлял своего творчества ограниченным и замкнутым. Его сердцу близки и седой Аракат, и волжская стихия, и янтарная Балтика. Близки ему Миссисипи, и Рейн, и далекий Килиманджаро. Его самая большая любовь — Армения, но его любовь — и весь мир. Ничто в мире для него не было чужим, все его волновало, все было важным и близким. В его лирике нетрудно уловить генетические импульсы, идущие от философских размышлений гениального Нарекаци, из песен Саят-Новы и других великих лириков армянского средневековья, а также новаторского творчества Егише Чаренца. Но в них звучат и струны поэтической лиры Пушкина, чувствуется поэтическая свобода Уитмена, и общественные традиции трибуна Маяковского, и влияние раздумий Рильке. Эти крупики золота он переплавил в своей лаборатории в достаточно своеобразный поэтический сплав. Он шел, как говорил Поль Элюар, от горизонта одного к горизонту всех людей. Паруйр Севак, проложив дорогу армянскому поэтическому слову в широкий мир, продолжил традицию своих предшественников.

Но если вы хотите понять его поэтическое слово, почувствовать красочный колорит и услышать его музыку, то нужно узнать и саму Армению. Это удивительный край, камни и воды, сады и виноградники его дышат вечностью. Плодоносный край, который с зе-

леными оливовыми веточками в клюве облетели выпущенные из библейского корабля Ноя, с Аарата, голуби старинных легенд. Если когда-нибудь в мире действительно был золотой век и действительно цвели Эдемовы сады, то большая их часть, вероятно, была здесь, в Ааратской долине. Наконец, нужно хотя бы приблизительно знать сложную, героическую историю этого народа, его культуру. Не удивительно, что Армения в наши дни славится своими поэтами. Тысячелетиями, чтобы выросли эти поэты, готовилась культурная и историческая почва. Они — наследники богатейшей литературы. И разве не постоянно новы в творчестве лучших современных армянских поэтов старые поэтические традиции?! Мое знакомство с Арменией было знакомством с чудесным миром. Я до сих пор разгадываю загадку старых хачкаров, этих каменных иероглифов. До сих пор я не расстаюсь с книгой Нарекаци — его скорбные песнопения напоминают мне крик тяжело раненной, но светлой и чистой, как цветок, души в пустыне средневековья. В мелодиях великого Комитаса я слышу плач армянского народа. А красочные полотна великого художника Мартироса Сарьяна меня поражают полетом фантазии. Новую социалистическую Армению, ее искусство мне удалось узнать по творчеству современных поэтов этого края, как и по стихам Паруйра Севака. И мне хорошо понятна исповедь этого поэта:

О родина!
Ты — многовековая фамилия моя.
(Перевод Д. Голубкова)

Я темный мох
на камнях твоих древних и новых мостов.
(Перевод О. Чухонцева)

Когда я слушаю звон золотых струн лиры П. Севака, в моей памяти всплывают неповторимые краски этой земли, оживает аромат ее виноградников и раздаются звуки ее мелодичных песен. Это земля счастливых и поэтичных людей. А Аарат — вершина ее Олимпа. Отсюда и масштаб всей армянской поэзии, отсюда и масштабность поэзии моего друга Паруйра Севака. В Армении есть на кого равняться.

Что больше всего поражает и что больше всего восхищает в творчестве армянского поэта? Мне кажется, какой-то особый, я бы сказал, севаковский, взгляд на человека. Это особенная, нежная и осторожная чуткость. Это дружеское сочувствие каждому человеку. В трудный час перечитаешь стихотворение Севака, и на душе вдруг станет хорошо и легко. Он лечит. Он протягивает человеку руку, передает ему свою радость и заражает поэтическим настроением. Он совершает то, что должен совершить каждый настоящий поэт — он очеловечивает человека. И за это мы особенно благодарны поэту. Александр Блок так определил призвание поэта:

Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!

Именно так можно сказать и о дорогом нашем Паруйре. Блоковская триада: добро, свет и свобода — философский треугольник, лежащий в основе его поэтического здания. С какой стороны мы бы на него ни взглянули, каждый раз упираемся в один из углов этого треугольника: в добро или свет, в свет или опять же — в добро. Все его творчество можно свести к этой яснейшей поэтической геометрии. Такова его логическая архитектурная конструкция. Севак работал, как математик, как архитектор, как конструктор. Удивляет точность его расчета, феномен его поэтической геометрии. В самом центре этого геометрического треугольника, конечно, стоит человек. Человека он рассматривает в непосредственной близости, он видит его как бы «на ладони». Поэт оставил нам свою книгу с таким названием. Фактически это была его философская формула и поэтическое кредо. Он хорошо чувствовал биение сердца каждого человека, прислонив ухо к самой его груди. И о чем бы он ни говорил, его поэтический язык всегда был чутким, человечным и богатым. И программные его стихотворения, такие, как «Хочу», «Восхищаюсь», «Ненавижу», «Обещаю», и те, в которых открываются каждодневные и вместе с тем существенные заботы людей, полны глубокого человеческого содержания.

Хочу, чтоб не пела о смерти
лебединая песня,
А пела о жизни, плывя...
Хочу, чтобы не в море ливни
лились напрасно,
А на поля...
Чтоб слышался плач не материнский,
а детский,
И то невсерьез...
Хочу, чтоб ущелья таили не змей
ядовитых,
А диких козлов и коз...

(Перевод А. Коренева)

заявил поэт в своем программном стихотворении «Хочу». И стихотворение «На языке телеграфа» также проникнуто гуманистической мыслью.

Я человек, и, хотя мне другого названия
нет,
В то же время я телеграф,
Где круглосуточно телеграфист один.
И не дает мне покоя весь мир.
Миллионы незнакомых людей
Верили мне тайны свои.

(Перевод В. Микушевича)

Таково, видимо, призвание поэта — знать потаенные секреты людей и связывать сердце с сердцем, человека с человеком. В наши дни немало говорилось о некоммуникабельной поэзии. Крайний индивидуализм, естественно, рождает и некоммуникабельную поэзию: связи между людьми рвутся, и никакой силой их не восстановить. Ненужным становится и сам связист, имя которому поэт. Так, индивидуалистический антигуманизм вытесняет поэтический гуманизм. А для индивидуалистического антигуманизма помочь поэту — связиста между человеческими сердцами — не нужна. Но роль поэта в представлении Парурира Севака сегодня несколько не уменьшилась. Это стихотворение раскрывает также взгляд поэта на на-

значение поэзии: он за коммуникабельную поэзию, которая охраняет человека от отчуждения и фактически от античеловечности. В этом сегодня и заключается гуманистическая миссия нашей поэзии, знамя которой подняли и несут гуманисты социалистической эпохи. «Чужая радость — моя радость, чужая скорбь — моя скорбь», — заявил поэт, настоящий связист между людьми. И это свое кредо он подтвердил во многих стихотворениях, в которых пишет о каждодневной работе людей и их взаимоотношениях, полных любви и самоотречения, которые пахнут каждодневным хлебом и вином, то есть всем тем, что называется жизнью. Хочется отметить одно прекрасное стихотворение, в нем основной заряд поэтической мысли падает на слово «здравствуй», оно так и называется: «Здравствуй!». Нам хорошо известен смысл этого слова. Так уже повелось с давних пор, что один человек, встретив другого, сердечно желает ему здравствовать, жить. В этом слове сосредоточена мудрость веков. Паруйр Севак наделяет это слово своей поэтической магией. Он желает каждому встречающемуся ему человеку хорошо жить, здравствовать. И не только человеку: того же самого он желает и летящим птицам, и облакам, и дождю, и своей земле. Даже смерть, услыхав это магическое слово, должна понять, что пришла слишком рано. Значит, оно обращено к человеку, от которого отдаляется смерть. Почему это слово такое магическое? Почему его смысл глубоко гуманичен? Думаю, что не зло, а его противоположность — добро, не смерть, а желание жить и создает его морально-этическую основу. Поэт верит, глубоко верит в наши гуманистические принципы, которые могут изменить зараженный злом мир, потому что человечность — огромная сила, которая в руках людей может делать чудеса. В такое чудо и верил поэт, когда сказал: «И любой несчастный человек станет настоящим человеком». Но слово «здравствуй» для нашего поэта имело и другой смысл.

Здравствуй!
Одно-единственное слово произношу,
Действительное, как паспорт с печатью на все времена,
В этом слове моя биография,
Анкета моя.

(Перевод В. Микушевича)

Для него поэзия — паспорт, биографическая анкета. Что это означает? Это означает, что стихи для поэта — глубоко гражданское дело. Поэзия — не красивая игра, не цель сама для себя, а общественный долг. И поэту нужна такая свобода, которая бы позволила ему выполнить этот долг и реализовать свой поэтический идеал, который поэт представлял как служение человеку:

Пусть мне — ночные кошмары,
Лишь бы вам —
Счастливые сны.

(Перевод В. Микушевича)

Паруйр Севак — тонко мыслящий, философский поэт. Его можно было бы назвать лирическим мыслителем. Сложный, но не нарочито усложненный, новаторский, но не ультрамодерновый, он обладает подлинным вкусом, ему никогда не изменяет чувство меры. Возможно, это идет от его «антинчной интуиции», от врожденной культуры. Севак — певец мысли, свободы и человечности. Он сам глубоко мыслит и заставляет мыслить других, сам отрекается от предрассудков прошлого и заставляет следовать за собой читателя. Он стремится к человеческому совершенству — благородству, доброте, самопожертвованию — и того же требует от других. Порой его поэзия пленяет нас необузданым романтическим порывом, порой ранит в самое сердце полной драматизма мелодией. Нас пленяет его ясный, проникнутый легким народным юмором и открытой самоиронией лирический голос. Поэт в свойственной ему иронической манере часто обнажает свое страдающее сердце, а иногда в его поэзии слышится звон оружия.

Его поэтическую исповедь дополняет любовная лирика. Вот тут-то обычно и подстерегают поэта разные опасности. Но Севак и здесь избегает обычных банальностей: для него любовь — в первую очередь любовь к человеку. Это часть того же самого гуманизма. Его лирика — сложная драма. Он и о любви пишет самыми чисты-

ми, как первый снег, словами. Его любовь — старая сказка, легенда о Тристане и Изольде, древняя Шехерезада.

Сердце мое изведало
Тысячу нежных ночей,
Где же тысячепервая?
Почему не досказываешь
Ты, моя Шехерезада,
Вечную сказку свою?

(Перевод В. Микушевича)

Последняя книга его стихов посвящена размышлению о философском феномене света и его поэтическому воспеванию. Она так и называется «Да будет свет». Этой книгой и увенчивается треугольник его поэтической геометрии. Осуществлен идеал его творчества, конструкция его поэтической мысли симметрично завершена. Свет здесь — чисто поэтическая метафора. Разумеется, он — антипод тьмы. Играй света и тени поэту удалось больше выявить темные и светлые стороны нашего столетия. Принцип светотени естественно больше подчеркивает драматическое начало, но вместе с тем является и светлые стороны его лирики. Все естество поэта, весь его беспокойный темперамент восстает против призраков зла, против химер тьмы. Поэтому его душа открыта великому свету, который бьет из живейшего источника вечного добра, правды и красоты. И на стихотворения «Свет благодатный», «Утренний свет», которыми начинается сборник «Да будет свет», надо смотреть как на поэтическую картину, адрес которой — наша драматическая современность, весь мир и, наконец, весь космос. Это поэтический апофеоз, в котором свет, надежда, радость борются с тьмой, пессимизмом и болью.

В 1971 году Паруйр Севак трагически погиб в автомобильной катастрофе. Нам остался только свет, идущий от этого благородного человека, и его паспорт — кровью написанная анкета — прекрасная поэзия. Он оставил нам архитектурно совершенный, симметрично законченный, творчески прекрасно оформленный памятник своей поэтической мысли.

Э. Межелайти



ДЫМ ОЧАГА







ОКТЯБРЮ, ЮНОШЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!

Сорок
лет —
это зрелости возраст,
когда
виски покрываются сединой...
А ты, Октябрь, для истории —
просто
парень,
пытливый и озорной.

И ради себя,
ради будущей жизни, —
на месяц,
на час,
на минуту хотя б, —
во имя того,
для чего ты свершился,
историей
не становись ты,
Октябрь!

Не будь ты картинкой
в учебниках древних!

Ты ведь
живительный воздух для поля,
ты —
кровь для сердец
и сок
для деревьев.
Ты — воздух
для мира.
А мир еще болен!

Октябрь!
Ты не только салютов звучанье,
не только
парадов чеканная сила...
Давай отмечать тебя,
как отмечают
рождение
самого первого сына!
Ему еще
сил огневых набираться,
ему предстоит еще
строить
немало,
ему еще
жить,
и ему еще
драться,
удары и раны
в боях
принимая.

Октябрь!
Ты разрушил убогий и старый
домишко.
И плотником сделался сразу...
Ты в здании новом

будь днем санитарным
для всяческой гнили,
для всяческой грязи!

Октябрь!
Ты был месяцем,
месяцем просто.
А стал ты
названьем
страны
и народа.

Началом эпохи,
предвестником роста,
главой исторического поворота!

И ради страны,
ради будущей жизни,—
на месяц,
на час,
на минуту хотя б,—
во имя того,
для чего ты свершился,
историей не становись ты,
Октябрь!

Октябрь!
Мое сердце гудит, как Россия,
восставшая
для баррикадной расплаты...
Живи
как восстание против насилья!
Восстание вечное
против неправды!

А сердце мое,
как народ победивший,

гудит.

В нем — пущенец после сраженья.

Живет в нем

суровый кронштадтский «браташка»

в тот день —

в день

твоего

рожденья!

Октябрь,

с днем рожденья!

Победой

увенчанный,

живи

год от года

просторнее!

Расти,

как восстанье!

Будь вечен,

как вечны

народы,

надежды,

история...

С днем рожденья,

Октябрь!

1957



ТРЕХГОЛОСАЯ ПЕСНЬ

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

О родина!

Уже лет тридцать учу я твой язык,
но все же говорить с тобою о тебе
я без ошибок не могу —
всегда, всегда
сбиваюсь и теряюсь от волненья!

Когда весною ранней

твоей кукушки слышу кукованье,
то мнится,
что кукушка, заикаясь,
мое косноязычье переводит,
восторг телячий мой,
что поздравляет за меня

ликующая птица

тебя с твоей весной!

И даже тени летние твои
мои признания безмолвно переводят
и солнцу твоему на синем небосводе
поют хвалебный гимн любви,
то удлиняясь,

то сжимаясь,
подобно черным языкам огня...

Когда плоды в твоих садах осенних
с деревьев каплями катятся огневыми,
понятно каждому, что это
мое торжественное песнопенье,
дарами вдохновленное твоими.
Об этом говорит и твой морозный снег,
он запах детства дальнего принес,
он, как и я, в тебя влюблен навек,
и, словно я, он безголос!..

А в мир,
когда с тобою о тебе я говорю,—
о, даже и тогда
не что иное я творю,
как измеряю скучными словами
молчание мое,
чтоб с болью убедиться снова
в бессилье собственного слова,
в могуществе молчанья твоего...

О родина!
Ты — многовековая фамилия моя.
А я...
Суметь бы так мне жить,
чтобы тебе стыда не знать
за то, что ты дала мне имя!..
Ведь гибель праведная — жизни половина!
Суметь бы так мне умереть,
чтоб ты... оплакивала сына!

ВТОРОЙ ГОЛОС

О, моя родина!
Я ничего, ничего не могу тебе дать:
что бы ни дал я тебе,
это будет отдарком —
ты подарила мне все!

У меня пред тобой даже нет ощущения долга:
весь — с головы и до пят — я твой должник!
Заверяет лишь тот, кто боится,
что ему не поверят.

У меня же и помыслов нету тебя заверять:
я — твоя вера,
зрячая вера!

О, моя родина!
Меня призывают тебя изучать.
Зряшный совет! —
я — твоей жизни частица.

Я — темный мох
на камнях твоих древних и новых мостов,
на боках родников заповедных,
я — твоя боль, обнаженная в слове,
которое не переводится на чужеземный язык.

Я — только дым
вчераших твоих ердыков ¹
и сегодняшних труб,
лишенный, быть может, огня твоего,
но именно этим огнем рожденный.

¹ Ердык — отверстие в крыше, служащее дымоходом.

Я — только дым,
и этим дымом
вношу в атмосферу твоё дыханье.
Я — дым, и только,
и говорить не умею,
зато твою сущность в небе пишу...

О, моя родина!

От цветов и оттенков пейзажей твоих,
вечных и вечно изменчивых,
я так окрашен,
как небо твое на закате.
Я так испятнан твоими пальцами,
как звездами небо ночное.

О, моя родина!

Я тебе жизни своей не жертвовал
и не участвовал в битвах твоих,
но и полшага, пожалуй, не сделал,
который не вел бы к тебе,
я начинаюсь тобой и тобой завершаюсь,
как замыкается круг...

Воды твои текут сверху вниз,
я же с низин поднимаюсь к вершинам,
как поднимается зной.

И когда приходит твоя весна,
и во мне эпигонством каким-то дивным
расцветает одна и та же мечта;
если я, как цветок на иссохшем стебле,
как трава на склонах гранитных гор,
если я помогу твоему цветению,
я смогу сказать:

— Не напрасно жил!..

ТРЕТИЙ ГОЛОС

Отчизна моя!
Такие слова у меня — для тебя,
каких никогда никому не найти,
я и сам до сих пор не могу их найти!

Они есть во мне,
но их нет во мне,—
вроде мощных струй в глубине твоей!

Они способны гореть,
но и обжечь до слезы,—
вроде чистого спирта лозы твоей!

Они так близки,
но и так далеки,—
вроде той горы, что вросла в твой герб!

3 января 1960 г., Тбилиси



БЕССОННИЦА

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:
В Армению к нам
Возвратилась весна.
Там пускаются в бег
Воды мутные рек.
Там блуждает поток
Безо всяких дорог.
Вся в пене волна,
И земля зелена.
Там травы пьянят
И телят и ягнят.
Ежевичник вокруг
Ощетинился вдруг,
Разросся в тепле.
На мокрой земле
Четыре звезды:
Овечьи следы.
И ветер притих.
На листьях сухих
Орехи лежат
И ждут медвежат.

Пень, маленький стол,
Как будто зацвел.
Плетет паренек
Весенний венок.
Пора бы венку
На шею быку.
Издалека
Зовет паренька
Усталая мать.
Однако не спать
Ему по весне.
Ему, как и мне,
Постель не нужна:
Душа в нас одна.

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:
В Армению к нам
Возвратилась весна.
Возвратилась весна,
И зачем я не там?

10—11 ноября 1956 г., Москва



ТОСКА

Есть в мире нашем целый мир, вам незнакомый, мне
родной.
Он тысячами голосов зовет меня без слов.
Как ненаписанная быль, моя тоска везде со мной.
Еще несложенный напев — неодолимый зов.

Там горы, сестры пирамид, пронзают пламень облаков
И в багрянице огневой одеты синевой.
Там возвышается скала, как божество былых веков,
Как будто потный конский круп с бычачьей головой.

И между гладких валунов на голых скользких склонах
гор
Дробится солнце каждый день, как радуга в стекле.
Река играет по весне теснинам всем наперекор
И, старый тополь повалив, стремглав несется на простор,
Чтобы трофеиный этот стяг показывать земле.

Торжественные облака плывут, клубятся и блестят,
Как будто слышен Оровел¹ и в сердце снова боль:
Пасется осень там в глухи, когда не видно больше стад,
Лиши землю жадно лижет мгла, как стадо лижет соль.

¹ Оровел — песня пахаря.

В горах внезапная весна себе прокладывает путь,
Как ветер горный невзначай невесте обнажает грудь.
Там по ночам кругом костры неугасимые горят,
Как будто молния костры зажгла, перепугав ягнят.

Среди кустов там дух такой, что, горной проходя тропой,
Проголодавшись, дохнув, и сразу будешь сыт.
Там козы мутят родники, спускаясь к ним на водопой.
Душа поэта как родник, — заветный стих гласит.

Там лес дремучий вековой, и в том лесу мои следы.
Из лесу выйдя, разбрелись по склонам цепкие сады.
И самый старый среди них свою рассеял тень.
Из камыша калитка там, шиповник там — плетень.

И, кроме этого плетня, горами огражден
Там домик матери моей, где я на свет рожден.
Все это там, навеки там. Скажи попробуй: «Нет!»
«Там», — крикнет хор безмолвных гор, откликнувшись
в ответ.

Который год затаены воспоминания во мне,
Чтобы набухнуть в тишине
И, словно роза, расцвести в одну-единственную ночь.
Внезапный, долгожданный миг! Попробуй этот миг
отсрочь!

Мне кажется, у нас в лесу объявится зима вот-вот,
И птица синяя сама уже предчувствует отлет
И перезрелые плоды завистливо клюет,
И осень яблоком в траву чуть слышно падает с высот.
Так сердце хрупкое мое дозреет в свой черед.

22 ноября 1946 г., Ереван



РУКИ МАТЕРИ

Руки, материнские руки,
Эти древние и юные руки!..

Чего они только не делали,
руки!
На свадьбе твоей взлетали, как лебеди,
руки!

Со страстью, с тоской
Изгибались дугой.

Все выносили они,
эти руки!
Света всю ночь не гасили материнские руки,
Чтоб утешать крикнуна-малыша.

Все одолеть были в силе
руки!
К небу столбами взносились
скорбные руки.
Чтоб сын не пропал
И столб дома не пал...

Сколько горя и мук
приняли руки,
Пока не взобрался внук
на бабкины руки,
И, внукам под стать,
Молодели опять...

Ворочали камни, копали арыки в округе...
Всех в мире наград достойны
родимые руки!..

Давайте поцелуем по-сыновьи
Руки, обнимающие нас,—
Что холят нас,
И любят нас, и снова
Стряхивают пыль, сметают грязь.
Все в морщинах,
В варежках дешевых,
Трудятся и стряпают чуть свет...
Этих рук, шершавых и тяжелых,
Мягче и нежней на свете нет!

30 октября 1955 г., Москва



ЧЕЛОВЕК НА ЛАДОНИ







КУЗНЕЦ И ЮВЕЛИР

Узор словесный мне претит. Устал я наконец.
Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец.

5 мая 1957 г., Москва



Хочу

Хочу, чтоб не пела о смерти лебединая песня,
А пела о жизни, плывя...

Хочу, чтобы не в море ливни лились напрасно,
А на поля...

Чтоб слышался плач не материнский, а детский,
И то невсеръез...

Хочу, чтоб ущелья таили не змей ядовитых,
А диких козлов и коз...

И если львенку в пса превратиться,
Пусть будет
Хотя б волкодавом он.

И если становится кровь у кого-то водицей,
Пусть станет хотя бы
Вином.

Коль смерть неизбежна — пускай берет пустоцвета,
А не того, кто герой.

Коль войн не избегнуть — пускай не страны воюют,
А муж, предположим, с женой.

Страдать от измен? Пускай пострадают
Глупцы, их немало кругом.

Желаете гладить? Вот платье разгладьте,
А не сердца утюгом.

Что, хоронить?
Пусть сын хоронит старую мать,
а не мать молодых сыновей.

Кого-то клеймить?
Телят и телок, а не честь человека,
хоть и это ничуть не
новей.

А если петь —
То уж так, чтоб не кричали: «Замолчи, наконец»,
Коль обнимать —
Так, чтобы оба замирали от перебоя сердец.
А уважать —
Чтоб подхалимством не смердило на версту вокруг.

А мастерить —
Чтоб нерукотворным казалось дело обычных рук.
Навзничь упасть —
Танку вражескому на пути, а не пожарной машине.

Что мне с желаньями делать,
Такими большими?..
Дайте продолжу...
Если в плен —
То не к врагу, а к любимой в тенета.
Найденным быть —
Лишь как целебное лекарство, что спасает кого-то.
Быть прощенным —
То навсегда и не разойтись ни на час.
Быть любимым —
Только одною. И только раз.
Думаете, хочу невозможного?
Детские мечты?
Тогда рожают пусть без боли, как нюхают цветы,
Воюют — без капли крови,
Пусть без огня пожар.
Пусть заражают друга друга только здоровьем душ,

(Кто бы того не желал? Кто бы того не хотел?)

Литургия нужна?
Пусть в залах концертных, а не на проводах
мертвеца.

Надо разбить?
Пусть — числа в школьных тетрадках, а не людские
сердца.

Лопнуть должно?
Вот он, чтоб лопаться — детский, цветной —
Шар (а не шар земной) надо мной,
Полный такой синевы!..

Хочу...

А хочу я того,
Чего хотите и вы.

25—27 мая 1957 г., Москва



ЗАВИДУЮ

Ах, каким, наверно, стало б счастьем,
Если бы, тревогой не томим,
Был бы я бездумно-безучастен,
Как иные, да, подобно им.
И какое счастье, в самом деле,
Вместе с сердцем тихоньким своим
Спать спокойно по ночам в постели,
Как иные, да, подобно им!
Так и жить — беспечно, не внимая
Радостям и бедам никаким,
И на жизнь взирать, как рысь лесная,
Немигающим зрачком немым.
Чтобы ретивое не болело
Тем, что так мучительно другим.
Зло или добро — какое дело? —
Как иные,
 да, подобно им!
Только не могу за наше завтра лучшее
Не болеть.

И не могу, неутомим,
Нашу жизнь пустить по воле случая,
Как иные, да, подобно им!..

5 мая 1957 г., Москва



Я РОЖДЕН...

Я рожден, чтобы стать
В сердце матери скорбью немой
И, как сын долгожданный,
Издали возвращаться домой.

Я рожден — утешать
Душу ту, что обидой полна,
И на свадьбах плясать
Со стаканом хмельного вина.

Я рожден, чтобы криком
Младенческим требовать: «Пить!»
Материнским напевом
«Баю-баюшки» первенцу петь...

Я рожден, чтоб светить
Фонарем, где метельная муть,
И упасть в полный рост,
Преграждая отчаянью путь.

5 мая 1957 г., Москва

Хлеб

МЕЧТАЮ

Человек рассудительный, не мальчик и не дитя,
Но гляди — я охвачен мечтою слепою!..

Мне кажется, я еще похищу тебя,
В далекие горы умчу за собою —
Через ущелья, через бушующий вихрь,
Через весенние реки и каменистую груду,
И чего только ты не захочешь — добуду
Для тебя, хотя б из-под камней вековых...
Если захочешь — накормлю пахучим мясом

оленym.

Пить захочешь — подам в чашах цветов росу.
Кров понадобится — стану я дворцом нетленным.
А замерзнешь — из-под носа у молний
Огонь унесу...

Не дитя, рассудительный человек,
Но взгляни, как мечтаю напропалую!
Все мне кажется — я еще удивлю этот атомный век,
К древним струнам семи вот возьму и прибавлю
Восьмую!
И сыграю!.. Да не просто сыграю, а так,
Что заставлю расплакаться камни и горы!

Кто-то болен?
Я вылечу взглядом одним, пустяк...
Кто-то зябнет?

Дыханьем своим обогрею дом его голый...
Проберусь я в пещерную мглу вековую, сырую,
Книги древних народов найду
И письмена расшифрую...

Но и это не все...

И когда все раздам я,
Разозлюсь вдруг, и воздух земной полусонный
Я насыщу еще небывалым озоном...

Светом лунным и солнечным
Облицую все старые зданья...
А из пламени, охраняя ночлег,
Я клинки накую...

Мир порадую книгами...

Вот, поди-ка, рассудительный человек,
А мечтами захвачен какими-то дикими!

Вновь мечтается, помолодею снова
И гимнастом призы получать пойду.

Может, в шахматах, так же как в поисках слова,
Отличусь... И, как в заповеди суровой,
Мохаммедовы доблести обрету:

До вина не дотронусь ни разу в году,
Табаком отравляться навеки забуду,
Свой же дом не разрушу...

И, неколебим,
Я влюблаться, конечно, больше не буду,
Лишь одну полюбивши
И ею — любим!

Чудо, чудо!..
Какие сказки мне чудятся!
— Хоть бы часть их сбылась, мечтатель

дотошный! —

Я отвечу тебе:
— Скорей всего сбудется
Лишь последнее чудо...
Но это уж точно.

28 мая 1957 г., Москва



ЖИТЬ БЫ...

Жить бы, жить бы, жить бы так,—
Чтобы легко носила тебя земля, осененная
светом.

Жить бы так, чтоб никогда
Не почуять никчемности собственной!
И если вдруг запрезирать
Себя, в чем упорствовать сослепу,—
То пусть Коллектив,
Его величество,
Тебя переспорит и в этом!..

Жить бы, жить бы, жить бы так —
Все истоптать дороги,
Ликованьем чужим ликовать,
Радоваться радостью многих!..

Отдаваться, как свет весенний,
Всему целиком, а не только на треть,
Быть со всеми,
Петь со всеми,
Болью других молча болеть!..

Быть им надеждою,
Не миráжем,

Брезжить восходом,—
Если зажжен
Чувством единым,
 а если притих —
Пламенеть закатом
 для них,
Душу свою распахнуть
 для них,
Ставши для них
 хлебом насущным,
Вместе со всеми себя ощутить
Усталым или могучим,
Скóпищем мошек или созвездий —
Через них и с ними вместе,
Не одному, как в поле верста,
А вставши в единую цепь,
Быть или бедным, как сирота,
Или богатым, как степь!..

Жить бы, жить бы, жить бы так —
Заволакиваться облаками густыми,
Молниями во тьме сверкать,
Не в одиночку, а вместе с ними!
Жить бы...
Жизнь бы свою без устали
С жизнями сливая чужими:
Муки — с муками,
Чувства — с чувствами,
С пашнями — пашню, с гомоном — гомон,
Волю их подчинить и воле
Их подчиниться, став отныне
И громоотводом
 и громом!..

27 мая 1957 г., Москва



СОЖАЛЕЮ

Я в жизни всем помог, себе я не помог.
Всем впрок мои дары, мне самому не впрок.
Прохожий поумнел, усвоив мой урок,
А сам безумен я: нерадостный итог.

Всех встречных я поил моим хмельным вином
И не пригубил сам в пути моем земном.
Всю жизнь я сватом был и крестным был отцом,
Хотя мне больше всех всегда был нужен дом.

Все доверялись мне, как будто я тайник.
Доверившись другим, раскаялся я вмиг.
Все в жизни расточив, зачем я не привык
Выпрашивать любовь, скучаясь, как ростовщик?

20 апреля 1957 г., Москва



ВОСПЕВАЮ

Воспеваю костер, который горит без боязни,
Что в пламени этом — его же смерть.
Воспеваю ту мать, что рожает, не думая,
Куда колыбель в тесноте поместить.
День, о котором мечтали годами,
Новь, что совсем не придумана нами,
Воспеваю ту явь, которая есть!

И того патриота, который твердо
Знает, за что он родину любит,
И родину, что верного сына голубит.
Воспеваю все то, что смело, свежо,
И все то, что поистине хорошо.
И то хорошее я воспеваю,
Что умирает,
когда за него не болеют,
И ту боль, что рождается
от самой большой любви.
И ту любовь, что не застится
слепотою своею,
А если надо, сожжет за собой корабли...
И мысль воспеваю — ту,
Что дерзкою кажется нынче,
А завтра вперед, как большое открытие, вымчит,
И мчащийся поезд,
Который, как поиск, напорист,

И поиск тот, который не пуст
(Сомнения — пусть, и промахи — пусть),
Без которого не продолжится путь...
Воспеваю — даже молчанье покорное,
Коль потом оно превращается в гром,
Воспеваю льдистость высокогорную,
Коль потоками она рванется потом...
Я терпение воспеваю,
Но не рабское... и, все равно,
Воспеваю то рабство,
Что сбрасывает наконец-то ярмо,
И восторг... Но не телячий,
Нет, и тот, и телячий, если, сделав скачок,
Обрывает веревку лобастый бычок!

Воспеваю ту засуху,
Что канал соорудить повелела;
И канал, если потом — не кровью —
Оплачено кровное дело;
И ту кровь, что проливают недаром;
Все дожди, что опять поднимаются паром,
И чреваты опять облаками, отрадой дождя;
И дожди, и туман, что похож на обман...
И обман воспеваю,
который толкает к исканью;
И искания те, что огонь высекают из камня,
Освещают пути, покуда блуждаем в невидимом;
Да и те заблужденья,
Что служат ступенью к открытиям!
Воспеваю все, чему нету края,
Все живое и жизни под стать,—
И само воспевание
я воспеваю,
было бы только, что
воспевать!

25—27 мая 1957 г., Москва



ДАРЮ

Угощаю:

Зимой — гроздьями винограда.
А если не обедали — куропатками.

Награждаю:

Ведь всех наградить мне надо:

Воина храброго — поездкой домой,
Историка — такими архивными папками,
Что ему б Геродот позавидовал сам.

Чахлое деревцо грушевое —

Соком густым! И дождями — лесá.
А бегущих от правды робкие души —
Одаряю ободряющей ложью простой...

Наработавшихся,

Устало домой идущих —

Освежу животворною темнотой.

А если не знаешь ты еще вечером,
Чем любимую порадовать завтра,
И повода нет...

То — чего уж легче! —

Дарю тебе... утро восьмого марта.

А тому, кто от ожиданья устал,

«Скоро» дарю,

Падать духом не надо.

Маками я одаряю поля,

Моря — а не пашни — крупным градом,

Да каким еще, чтобы не таял, а стал

Жемчугом
И рыбаку в награду
Достался бы, перламутром горя!..
Петух-многоженец? Всем на зависть,
Чтоб о труде и не думал ином,
Его и его куриц-красавиц
Я угощаю отборным зерном.
Дитя обиженное? Что тебе дать?
Хочешь — игрушку,
Хочешь — волну ручейка.
Сном отдохновения — мать,
Грудь ее — тяжестью молока
Любо мне весной одарять!
И если возлюбленная неверна
Или отвергла тебя, земляк,
Вот с этого часа, знай,—
Полюбит тебя и, отрады полна,
Сына тебе родит она.
Да будет так!
Одаряю:
Луну —

собственным светом на небе,
Колонию —
освобождения знаменем,
Надежду — свершением,
Недра — рудой,
Жаждущего —
не долготерпеньем, водой!
Терпение —
мерой, разумной границей,
Границу —
стражей, как око зеницей.
А стража того, часового,—
письмом,
Пускай запоздавшим в краю необжитом,
Но теплым, как тело родное, как дом...

А дом одаряю
Пшеничным дымком духовитым!
Одаряю также:
Жнеца уставшего —
зарею нежаркою,
Ущелье безмолвное —
песнею жаворонка,
Бездетного —
сыном великолепным,
Деву старую — мужем,
Он рядом, вот он!
Однокого — друзьями верными,
А малые страны
Нарекаю
Великим народом!
И напоследок я одаряю
Собой
все дружеские сердца,
Чтоб делились заветным, все поверяя,
Смущенного не хмуря лица.
А красавиц —
такими, как я, рабами,
А таких, как я, рабов добровольных,—
Расточительством,
которому нет конца.
А конец — началом.
А начало —
...Довольно!
(Я только хотел добавить о смелом
Продолжении всех начинаний дня.)
А себя
Одарил бы я... чувством меры
Для всех чувств, захлестывающих меня!

27 мая 1957 г., Москва



НЕНАВИЖУ

Ненавижу снег в середине лета.
Ненавижу смерть в годовщину рождения.
И не меньше ее ненавижу себялюбца в личине,
У которого
Подлость выглядит как самое честное рвение.
Я того ненавижу, кто ограду тесовую
Разломает — и рад, — чтобы взять себе шест,
Кто ломает дерево чужое плодовое,
Чтобы фруктов нажраться за единый присест.
И того, кто болтает о море общественных дел,
А сам для себя копает прудок невелик.
И того, кто выручить путника не захотел
Или ищущих выхода посыпает в тупик.

Ненавижу разумное шито-крыто,
Где подкладку от верха не отлишишь ты никак,
И суетость, навязанную лишь бытом,
Что возникла... от низкого потолка.

Ненавижу чернила — если чернят,
Словно яд губя без ножа...
Ненавижу ножи, если режут не хлеб,
А людей, вслепую круша...
Ненавижу армии — коль не спасают,

А себя опасаться велят.
Темноту ненавижу — ту,
Что ни мысли и ни ребенка
Не зачнет, не отзовется в потомках.
Ненавистен и жалок мне тот эмигрант,
Что в отчизне живет, хоть из времени выбыл.
Ненавистен историк, что — почестям рад —
Сбору фактов предпочитает их выбор!

Ненавидеть позвольте и то положение,
Где все смутно и не понять, что к чему,
Где решение — никакого движения
Не дает ни сердцу и ни уму.
И такое устройство,
Где главное свойство —
Страх, в котором миллионы людей
Держит малая горстка (мы знаем об этом
По учебникам социологии только),
Разрастается страх и все больше тиранит.
Почему, почему, почему же не грянет
Ее светлость Справедливая Ненависть там?—
Чтобы встало бы все по законным местам,
Победила бы зоркая, стойкая истина...

Черт! Как много еще на земле
Ненавистного,
Дела сколько еще — не знал я и сам!..

25—26 мая 1957 г., Москва



* * *

Как содрогаюсь я,
твоим прикосновеньем обожжен,
Внезапно ветер ледяной
При мысли:
Вдруг ты не со мной!

Дрожу,
 в тревогу погружен,
Над жизнью сына моего,
И над любимою женой,
И над страной моей родной,

Как сердце,
В холод, в дождь и в зной.

14 ноября 1957 г., Москва



ВОСХИЩАЮСЬ

Восхищаюсь:

ущелием сонным,
ливня звоном
над пустынью горной,
белизной лебедей,
смуглотою араба
и игрою детей,
ненасытной и неугомонной.

Восхищаюсь:

металлом немым:
как он тих — вслед за яростным
блеском,—
то печатной машиной,
то комбайном,
то орденом
обернется... а также
ожерельем и пряжкой
на ревнивом на поясе женском.

Восхищают:

течения рек,
то безумных, то тихих,
то степенных, то резвых...
Это — гор своиенравные дочери.
И постукивание каблучков на ходу,
от которых следы так похожи на
многоточие...

Восхищен:

и повадками воробьев,
что не знают перелетов и рады...
и громами, что встряхивают небеса...
и заплатами пастбищ,
если эти заплаты —
лишь стада на плато, где не видно
конца...

Даже пчелами в поле,
даже лягушками,
летним ветром обдутыми,
и листками ольхи, и семян
парашютами...
и полетом — чтобы ветер ожег...
и прыжком — хоть блохой,
лишь был бы прыжок...

Восхищен:

и собой... за нескромность счтете?
Отдаляясь сам от себя, говорю:
тем, что силы мои спозаранку в работе,
тем, что пахну я потом священным
и броженьем давильным...
И тем пламенем,
которым горю...

23 ноября 1957 г., Москва



ОБЕШАЮ

Обещаю:

И быть преданным всюду ему,
Как себе самому;
Быть костра его пламенем,
А не маревом знойным!..
Быть теплом его лета, чтобы зрели плоды,
А не ветром и засухой, что губит сады;
Быть не только травою, которая кормит
Стадо целое,
Но лугом ему для гульбы,
Ароматом на пастбище,
Что никогда
Не потопчут копыта,
Но почуют стада!..

Обещаю:

Если ярость порою глуха и слепа,
Лбом не бить о скалу головой удалю.
Для чего? Ведь скала так и будет скалою,

Лишь не станет одного хорошего лба.
Не равняться по тем,
Что на цыпочках тянутся,—
 Все равно не видать им
 Дальше столба...
Видеть дальние, острей, даль пока не погасла.
И елёй
Не считать
За топленое масло...

Если ростом высок и плечами крут,
А тебе... тюбетейку ребенка дают,
И какие-то кущевые брючки в полоску,
И рубашку, узкую... как цитата,
То не лучше ль привычные с детства обноски,
Чем новейшая мода такого наряда?
Или — день выходной для ума твоего
И глаза в отпуску?

Обещаю — рутине гнездиться не дать
Ни в душе своей и ни в мозгу.

И еще обещаю:
Душой —
Не загрубеть, как мозоли пук;
Не отдыхать на спине на чужой,
Раскрывать — лишь глаза, закрытые вдруг,
Только двери надежд раскрывать на пути;
По дороге укатанной не идти;
И чтоб — совесть вела, не заказ и не мзда,
И чтоб сам от себя я сумел отойти
Для других,
Как от огня теплота!..

Но зачем обещать,
Что пригнусь, если я ростом — с гряду?
Стану ль крохотным, если надообно много мne
места?

Если быть мне купелью дано на роду,
Ни корытом не стану, ни кадкой для теста.

Обещать

Я того не могу,
Потому что с народом я слит воедино;
Знаю: век мне не сеять бурьян на лугу
И крапиву на пашнях и нивах родимых...

И торжественно обещаю:
Тебя, зазнайство, срубить без пощады,
А тебя, геройство и доблесть, щедро
Растить, поливать своей кровью хотя бы,
Чтобы небо и недра
Цветением строгим ты могло бы обнять!..

Обещаю еще, не в пример очень многим,
Ничего напрасно не обещать!

23 ноября 1957 г., Москва



СХОЖУ С УМА

Меня услыхав,
Кто спросит, тот прав:
«С ума ты сошел?»
А вот — мой ответ:
«Да, сошел навсегда,
Почему бы и нет?»
Как же влюбляться, с ума не сойдя?
Дрова загорятся, с ума не сойдя?
Не побеждают — с ума не сойдя.
Детей не рождают — с ума не сойдя.
С ума не сойдя — вода не вскипит,
Не треснет гранат, если он не набит
Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
Зрелость, сплошное схожденье с ума.
Лето кончается?
Сходит с ума.
Планета вращается?
Сходит с ума.
Зернам, пока не сойдут с ума,—
Колосками не быть.
Ладошкам, пока не сойдут с ума,—
Руками не быть.
Словам, пока не сойдут с ума,—
Стихами не быть...
Ах, быть бы и мне сумасшедшим вполне...

1 октября 1961 г., Ереван



ВЕРУЮ

Люблю,
Даже если сердцу снова в оковах быть.

Порою молчу,
Если слову поруганным снова быть.

Не терплю,
Когда вслух каются,
Чтобы грехи забыть.

Скорблю,
Когда в ослеплении
Мне суждено быть.

Ненавижу,
Когда обманывают:
Так, мол, тому и быть.

Но прежде всего
Верую:
Этому миру быть!

Верую в таинства неба
И в игру океанов.

Верую: в птичьих гнездах яйцам нельзя
не быть!

Не просто знаю,
Нет, верую:
Не замесишь, как тесто, морскую волну,
Не задержишь солнце в плену.
И луну не прогонишь с неба.
Небу синему быть!

Не секрет:
В человеческом замкнутом сердце
Чего только нет.

Человек — разрушитель,
И человек — строитель,
Руки способны доносы писать,
Руки способны дарить и спасать.

Свет погасить
И свет воскресить.

Нож окровавить
Множеством ран
И написать роман.

Способны бить
И отнимать,—
Способны любить
И обнимать.

Человек — злопыхатель,
И человек — ругатель,
Но прежде всего
Человек — созидатель.

Зная природу людскую,
Я на нее негодую
И все-таки... все-таки верую.

Нет, не в пороки!
Верую в мечту,
Верую не в подлость,
А в доброту,
Не в одряхленье,
Нет, в обновленье!
За поколеньем идет поколенье.

Отцу поверить я не премину,
Однако больше я верю сыну,
Который должен родиться на свет,
Исследователь планет.
В космос проложит он путь,
К Венере прямо на грудь,
Как подобает мужчине.
Верую ныне
Во все его существо:
В разум его
И его чутье,
В зоркость его глаз,
Ослепленных подчас,
Верю рукам его,
Верю ногам его,
Верю шагам его,
Которые к цели ведут,
Которые путь свой найдут.

Верю в его торжество,
Верю вере в него!

2 июня 1957 г., Москва



СОМНЕВАЮСЬ-УТВЕРЖДАЮ

— Быть иль не быть? — вот в чем вопрос...

Если мать встает тондыр¹ затопить,
если дым отечества в небо струится,
в чем же вопрос? —
значит — быть.

Если выигран бой и враг отбит,
если пшенице пора колоситься,
если строится новая мельница,
разве не ясно? —
ясно — быть.

Если и ныне дикие звери
не доверяют скотным дворам
и, голодая, живут на воле,
как это должно зверью;
если снова парень и девушка,
что бы потом ни случилось, влюбляются,
за руки взявшись идут, обнимаются,
организуют семью;

¹ Тондыр — печь в земле, в ней пекут хлеб, ею обогревают деревенский дом.

если упругие женские груди
молоком материнским готовы налиться,
если стреляет резвое пламя
и очаг вечереющей жизни курится,
зачем же гадать и выдумывать лишнее,
когда известен ответ на вопрос?

Что б ни случилось,
что бы ни вышло,
быть! Обязательно!—
вот в чем вопрос.

26 ноября 1957 г., Москва



ДА БУДЕТ СВЕТ





ДА БУДЕТ СВЕТ



УТРЕННИЙ СВЕТ

Утренний свет,
Едва пробужденный,
Чистый, студеный:
И есть и нет.

Мир наш первичный —
Слишком привычный.
С ним разлучаюсь,
Нет! Отключаюсь!
Я сам не свой:
Сосуд пустой,
Не просто пустой,
А безвоздушный,
Приют радушный,
Для мира нового,
Пока еще неготового.
Этот мир мой невиданный,
Неведомый, неожиданный
На себе испытаю,
Как подобает врачу,
И человечеству мир мой вручу.

Всяких иллюзий лишенный,
Надеждою вооруженный,

В мире проблематичном
Больше не буду судить
О бытии по несбыточному,
Тешась воздушными замками, словно
дитя,
И за подделку фальшивой монетой платя;
Отчаявшись не намерен я,
В силах своих уверен я.

Я сам, едва пробужденный,
Свежей водою студеной,
Студеной, чистою, снежной,
Ради весны неизбежной,
Лицо себе освежаю,
Лицо больного, и снова
Любого другого больного,
Веру, страну, человека,
Живительным омовеньем,
Целительным прикосновеньем
К жизни я возвращаю
И новый день возвещаю
Ресницам, губам, лицам,
Людям, зверям, птицам.

Как никогда, я зорок,
И каждый из вас мне дорог;
В каждом из вас таится
Что-нибудь неповторимое,
Зримое или незримое,
Что-нибудь, мною любимое,
С тех пор как, четвероногие,
Мы две ноги потеряли,
Оставшись на двух ногах.

И с высоты непреклонной
Камнем лечу вниз

И достигаю лона:
Низменности отдаленной,
Где в плодоносной жиже
Жизнь сама зарождается
Миллионами лет,
И языком камня
Произношу: «Аз, буки»,
Что означает «Солнце»
Или «Да будет свет!»

16 марта 1967 г., Арзни



СВЕТ БЛАГОДАТНЫЙ

Свет благодатный,
Нет, не вечерний,
Нет, не закатный,
Росистый свет
Праведной жизни,
Пролейся, брызни!

Ночная служба кончается.
Распрямляет природа колени.
Рассвет-просветитель,
Великий святитель,
Гасит лампады, светильники, свечи.
И наконец
Выходит солнце,
Верховный жрец.
Ленивые тучные тени
Сами себя пожирают,
Как будто тени сгорают,
Стройные и пригожие,
Танцовщицы темнокожие.
У рассвета свирель
Из дерева абрикосового.
Из каждой скважины луч:

Невероятный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет изобильный,
Щедрый, всесильный,
Звонкий, напевный,
Апостол вседневный,
Приносишь ты веру,
Гонишь химеру,
Угодник и сводник,
Искатель, старатель,
Порою предатель,
От века навеки любовь,
Навек в человеке любовь.
Свет благодатный,
Лейся, как ливень,
Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась
Радуга — тень
Летнего ливня.

Так разодень,
Свет благодатный,
Цыплят расписных,
Ты живописец,
Чтобы запели кругом петухи.
Зов многократный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет вездесущий,
Лейся, струись,
Ты, всемогущий,
И на вершины,

И в пани глубины.

Чтоб нам не ютиться, как рыбам, во мраке без
окон,

Скрытую воду пронизывай, панцирь и кокон.

Солнечным жаром, бесшумным ударом

Необожженную глину-мечту

Пестуешь ты, необъятный,

И не смолкает

Простой и сложный

Мотив творенья:

«Свет благодатный!»

19 марта 1967 г., Арэни



СТАРЫЕ ШРАМЫ ЭТОГО МИРА

Ах, старые шрамы этой земли...

Даже нашу здоровую плоть смогли распороть они
И живую боль, словно божий дар, в нашу суть
вложить,—

Ведь пришлось бы нам плоховато жить,

Если б каждый был, как бычок, здоров

И аптечно чист,

Словно мятный лист.

Что же вас, друзья, старых шрамов боль стала так
пугать,—

Ведь благая боль может помочь?

И кому нужны

Наш апломб и спесь, этот стиль смешной и смешная
роль,

Если держит руль только эта боль,

Чей целебный вкус порождает нас.

И морщин игра —

Не дурацкий пляс,

А живой обряд, ритуал судьбы,

Он вседневно нам осеняет лбы.

Что же вы, друзья, старых шрамов боль
стали избегать,—

Ведь живая боль может помочь?

И сама ли боль причиняет вред

Или горсть пилюль,

Что едим, когда хотим уничтожить боль,—

Кто ответит остроумно
На такой вопрос тупой,
Дурачок какой?
Кто согласен спорить с болью,
Дурачок какой?
Ведь, по сути, спорить с болью
Значит — морю спорить с солью!
Как же, как, друзья мои,
От самих себя удрать?
И кому необходимо от самих себя удрать?
Ночь вот-вот сойдет, как всегда, с небес,
Наступив на нас,
Как тяжелый пресс,
И почти совсем
Нас убьет часов на семь.
Но мы не умрем, поверьте.
Переживем подобие смерти и воскрешение,
И в завершение останется матрица в распоряжении
жизни,
Курсивы нашего тела и нашего духа,
Грамматика боли, правописанье которой
Еще никогда облегчению не поддавалось.
Пусть утро-ребенок, как вымытый школьник,
Заучит печатные оттиски жизни,—
Курсивы нашего тела и духа,—
По правилам вечного правописания боли.
Друзья, для чего этот старый учебник
Сжигать вместо кокса,— нельзя ли иначе?
По-моему, некуда деться, друзья,
И в будущем нужно радушно и дружно
Приветствовать боль,
И больше того, мы объявим законной
Нашу исконную боль,
Нашу добрую...

9 ноября 1965 г., Чанахчи



МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА

Чистота нужна миру, да, нужна —
В облике героев, грустью осененных,
На гибель обреченных... от вечной неприкосновенности.
И в облике тех женщин, которые при жизни
Из всех мужчин на свете знали одного...
И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
Под ноги глядят, плечи их понуры,
Но — мысли свободно
Летят, куда угодно и когда угодно,
И взмывают ввысь
Помимо нашей воли,
А когда устанут,
Чайками садятся
На океан всемирный
Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки,
Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
Никого вокруг не спросив,

Чтоб катил поток, с головы до ног обдавал и мыл.
Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики,
Пусть к земле она пригвоздит земное,
Землю склеит пусть с воздухом, и с ними
Склейт нас пускай аромат гвоздики.

Чистота нужна в песне соловья,
Чтобы азбукой, только ему известной,
Ему одному, только птице чудесной,
Впредь всегда посыпать в мирозданье привсты
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьезные, звездные...

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шапка, черное тело, —
Той птицы,
Которая к небу воздела
Свой клюв, чтоб молиться,
И вот она молится, как кардинал без пасты,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира...

Нужна чистота!..

Кал мелодия в величественном храме природы,
Как цвет — на гениальной картине природы,
И словно игрушка, которую держит дитя природы...

Миру нужна чистота... ребенка,
Того ребенка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что... миру нужна чистота!..

27, 31 ноября 1965 г., Чанахчи



ПРОТЯЖЕННОСТЬ ТОСКИ

Я так бреду,
Как будто ноги у меня — чужие.
Так замираю вдруг,
Словно не я, а кто-нибудь чужой вдруг замирает здесь
Над этим водоемом городским,
И так смотрю,
Как будто напрягаю чужое зренье вместо своего.
И это чувство длится,
Но внезапно, одним прыжком,
Клыкастый, хищный ветер
Набрасывается, рыча,
И этот жалкий водоем терзает зверски,
И вроде бы вода не плачет даже,
Ее колотит лихорадка...

Тоска клыкастая, с такой же хваткой зверской,
В меня вгрызается, как в древнюю пещеру,
И раздирает существо мое.

Ах, существо мое пустилось в бегство,—
Вернуть, вернуть его любой ценой, пускай обманом,
А то в моей пещере опустелой
Икает непрерывно пустота,

Проснулся целый рой мышей летучих
и тяжко бьется о мои глаза,
И крылья скользкие впиваются в ресницы и виснут,
Наподобье капель серых — слез каплющих из глубины
души,

Как слезы той размеженной капели,
Которая не только гложет камень,
Но, кроме этого, еще вселяет голос в мгновения
глухонемые
И этим делит неделимый день, располагая знаки
препинанья:
Точка — тире, точка — тире, точка — тире.

И если точки и тире соединить,
Скажи,
Не могут ли в поход обратный пуститься стрелки на
моих часах,
Чтоб наступило то, что было прежде,
И живо образ прошлого предстал?
И разве не любовь, не доброта
Во мне желанье это разбудили?
Нет, никогда потомство не родится
От близости, которая лишь снится...

— Точка — тире, точка — тире, точка,—
Рука чужая словно бы связует друг с другом эти точки
и тире,
Чтоб кое-как измерить протяженность пружинистой
тоски...

Я чувствую давление лучей,
Их тяжесть в глубине моих зрачков.

И возвращаюсь я, и так бреду,
Как будто ноги у меня — чужие,
И так смотрю,

Как будто напрягаю чужое зренье вместо своего.
И если я тоскую,
Так не своим, чужим каким-то сердцем...

Все тот же ветер, хищный и клыкастый,
Переставая водоем терзать,
Вонзает когти в голову мою
И в спину
И совсем не понимает,
Что голова моя — нисколько не моя,
И не моя — спина... они чужие...

Здесь дети весело играют в мяч,
Там дети весело идут из дома в школу,
Мешают дети бесконечному потоку
Машин, идущих длинными стадами,
И одному растерянному дяде,
Который ходит на чужих ногах,
И для смотренья у него — глаза чужие,
И, думая чужою головой,
Он смог постичь одну-единственную тайну,—
Что никогда потомство не родится
От близости, которая лишь снится...

16—17 февраля 1964 г., Ереван



ВЕЧЕР

Автомашины днем —
Слепые котята,
Вечером
Открывают они глаза.

Вечером тишине
На улицах тесно.
Расталкивает она
Всех и вся,
И отодвигаются горы вдаль.

Одиночество, как Хайям,
Пьянеет и богохульствует.
Добрые лают псы,
Нет, не лают, а молятся.
Хор бродячих собак:
«Прости, прости богохульника!»

Классную доску вытерла темнота.
Покрываются инеем звездным
Чистые небеса.

Меньше мы говорим,
Тише...
Время переговариваться
Фонарям и огням.
Каждый дом
Сигналы шлет во вселенную:
Детский плач,
Материнский зов,
Прерывистое мычание
Автомашин и коров.
Мигают звуки,
Мигают огни.
Новейшая азбука Морзе.
Потом замирают они,
И отвечает вселенная.
Сигналы вселенной — сны,
Которые снятся людям:
Счастливые сны,
Страшные сны,
Кошмары
И просто сны.

Пусть мне —очные кошмары.
Лишь бы вам —
Счастливые сны.

Ноябрь 1965 г., Чанахчи



ВМЕСТО ПИСЬМА

Чего ты ждешь от меня?
Чего ты только не ждешь!
Где я все это возьму?
Ты не хочешь квадратного солнца
Или треугольной луны.
Ты просто устала ждать,
И нужен тебе кредит
От этого затяжного
Бесплодия, сиречь истории.
Конечно, кредит не вредит.
Только мне самому слишком нужен кредит,
Кредит моего... терпения!
Сколько боли в твоих глазах!
Я же тебе не отказываю.
Я, к сожалению, тот,
Кто не способен отказывать.

Смотри, деревья разменивают
Литое золото листьев
На купюры бумажные
Ради спокойного сна.

Внук и наследник осени,
Я тебе предлагаю
Охапку денег бумажных.
Бери, пожалуйста, трать!
Видишь, пилою каменной
Гора норовит отпилить
Кусочек синего неба.
Пилой растопыренных пальцев
Я тоже готов отпилить
Изрядный кусок осени,
Чтобы ты не скучала зимой.

Ветер горы игрушечные
Из песка и земли,
Как ребенок, воздвигнет,
Как ребенок, разрушит
И воздвигнет опять.
Уполномоченный ветром,
Воздвигнуть могу мгновенно
Великое множество гор.
Живи в этой горной вселенной
И не благодари.
Обидишь меня благодарностью!
Чего ты хочешь еще?

Если устала ты ждать
И наличных потребуешь,
Ты ничего не выиграешь,
Я проиграю все.
Значит, всю мою жизнь
Я напрасно старался:
Полем я простирался,
А люди всему вопреки
Ищут в траве тайники.
Если себя не жалеешь, хотя бы меня
пожалей!

Это последние стоны последней мольбы
моей!

Если от неподвижности
В небе устали звезды,
Они бросаются в воду,
Чтобы ветер водил их гулять.
Если устала ты биться
О стены всякого рода,
Приди,
Войди в мою душу,
Где нет ни одной стены.
Там тебе сокровенные
Помыслы подчинены.
В душе моей ты властительница.
И ты владеешь сокровищами
Этой странной страны.

Поймешь
И другим поведаешь:
Дать ничего не могу я,
Только любить могу.

12 февраля 1964 г., Ереван

МАСКИ



ОДНОГЛАЗЫЙ

Одним лишь глазом смотрю на жизнь,
(Другой из простого стекла).
И вижу глазом этим одним
 Многое я,
Но больше в сто крат вижу вторым,
 Потому что мне
Глазом здоровым видеть дано,
Мечтать же только слепым.

14 ноября 1963 г., Ереван

ПРИРОДА ВЕЩЕЙ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ лицо и маска вещей

О лик вещей!
Предметов внешность!

Нас окружающие вещи
Живут своей
Особенною жизнью
Помимо нас.
Они принуждены
Для нас разыгрывать спектакль.
Но стоит нам отвернуться,
Лишь отвернуться,
Как лицедеи сбрасывают маски,
Гримасничают, плятятся, открыв
Свои
Невыдуманные лица,
Которые мудры,
Игривы
И многозначительны,
Как ветка, спорящая с ветром,
Как горный ключ
Или красавица.

О лик вещей!
Предметов внешность!
Вот если бы придумать способ
Заснять их в первозданном виде
В тот миг,
Когда они убеждены,
Что занавес моих очей опущен.
Украдкою, врасплох, из-за угла
Фотошпионом в пуговице прячась
Или укрывшись в трещине пера.
Вот перенять бы опыт
Фотографированья среди бела дня
Кинозвезды в постели смятой,
Преступника в обнимку с преступлением
И оборотной стороны луны.

О эти вещи,
Бесчисленные ряженые!

Я знаю,
Они меня боятся и берегутся,
Как женщина,
Что прячет наготу от глаз нескромных.
Они обречены,
Чуть приоткравшись, вновь напяливать
личину.

Я знаю, мне они желают смерти,
Чтобы отправить маску к бутафору
И жить не прячась.

Когда же сбудется их страстное желанье
(В последний раз мои сомкнутся веки),
Часть из них
(Печально или радостно — не знаю)
Отправится со мной,
Чтоб лечь в могилу вместе с господином,
Так некогда,

Во время оно,
Входили в темноту курганов
С усопшим вместе
Его наложницы, рабы и слуги.
Без масок или в масках —
Люблю неприходящею любовью
Моих покорных, но лукавых рабов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДОБРО И ЗЛО ВЕЩЕЙ

Не правда ли, вам кажется порой,
Что вы одни,
Увлечены безмолвною беседой
С самим собой?
Неправда!
Добрые предметы
Не оставляют нас,
Тем более в минуты одиночества, когда
Вдруг оживает, одушевляется любая вещь.
Это в порядке вещей,
Что вещи
Жалеют нас, когда мы одиноки.
Незрячей капле, павшей на асфальт,
Дробиться и разлетаться,
А наш удел другой.
Мы в одиночестве мужаем,
Становимся крестом из плоти,
Как птица или же пловец.
Ведь одиночество не что иное,
Как плаванье или паренье.
Безмолвие, что скрыто в одиночестве,
Подобно раковине уха,
Не знает цвета, запаха и вкуса.
Бесчувственно к прикосновенью.
Беззвучная беседа одиноких

Собою наполняет тишину,
Как детский шар, воздушный шар,
Наполненный неслышными словами,
Вдруг превращается в аэростат,
Который в силах
И нас, и дом наш оторвать от почвы
И ввысь поднять.

Та тишина, что скрыта в одиночестве,
Подобна раковине уха,
Не знает цвета, запаха и вкуса,
Бесчувственна к прикосновенью.
Та тишина, лишая нас земли,
Становится для нас второю родиной,
Незаменимой, непереместимой.
Там, на дворе,
Библейский выход ночи
В сопровожденье пышной свиты звезд.
Наивна, глубока и величава,
Доисторически серьезна
Великая и истинная тьма,
И тщетны
Усилия огней в людских жилищах.
И кто-то на дворе
Тьмой наслаждается.
Там, на дворе...
А что нам до того?
Мы у себя.
Одни, но не одни:
Ведь добрые предметы
Одушевляют то пространство,
Что отдано нам во владенье,
Чтоб мы прониклись их блаженством,
Чтоб стали —
Подобно им — предметны.

28 октября 1965 г., Чанахчи

ДАРЫ ПОЛУВЕКА



ЗАДАНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫМ МАШИНАМ И ТОЧНЫМ ПРИБОРАМ ВСЕГО МИРА

Вычисляете, все вычисляете...

А сосчитайте, за сколько мгновений
сколько крови из сердца девушки
приливает к ее смущенным щекам
и термоядерной вспышкою рдеет?
Что за космическое излучение
глаз затуманенных достигает,
когда наши взгляды внезапно встречаются,
и эти лучи обоюдозоркие
опасны или полезны?

А то вычисляете, все вычисляете,
все вычисляете...

А подсчитайте, сколько тепла
наши ладони отдали детям,
их волосам шелковистым и пальчикам,
гибким станам наших возлюбленных,
острым плечам наших бабушек немощных,
и, подытожив, вычтите разность
отданного и полученного!

А то вычисляете, все вычисляете
да вычисляете...

И укажите, на скольких женщин
мужчина — хотя бы один из многих —
глядел с вожделением и корыстью,
на скольких с восторгом благоговейным
и на скольких с братскою нежностью?

И адреса обозначьте тех женщин,
с которыми нас судьба не столкнула,
хотя и могла бы свести на всю жизнь!
И назовите число детей,
наших детей, на свет не родившихся...

А то вычисляете, и вычисляете,
и вычисляете...

Мы еще толком не знаем даже,
почему человек смеется,
лишь человек, и никто другой.
Ну так сочтите количество смеха,
рассортируйте его по звуку
и объясните разницу между
хохотом и усмешкой...

Электрическим черепом всемогущим,
цикlopическим глазом всепроникающим
разложите тоску и тот дым спрессуйте,
невидимый дым, который всегда
приходит с тоской и один уходит:
куда-то рассеивается, но куда?

А то все считаете, все считаете...

И назовите ближайшую дату,
когда угнетаемые народы

освободятся от угнетающих,
когда возмездие неизбежное
свершится именем справедливости.
Сколько веков уже, в бого изверившись,
ждут этой даты жертвы насилий,
все еще верят, все еще ждут!
Вы, провозвестники нового века,
не окажитесь и вы химерой.

А то все считаете, вычисляете, прогнозируете...

И укажите число мостов,
страны связующих, по которым
хотели пройти мы, но не проходим
и не пройдем никогда...

И назовите число упований и грез,
названных этими именами
лишь потому, что они не сбываются.

И несомненным числом обозначьте
сомненья, с которыми мы созреваем,
а чаще всего до времени старимся.

И линию разочарованья найдите,
и хочется верить, что хоть она
не будет зигзагообразной.

И вместе с линией жизни нашей
найдите надежды обманутой линии,
они параллельны, а параллели,
кажется, не пересекаются.

И подсчитайте количество дней и ночей,
неисчислимо-бессчетных, пропавших бесследно
в очередях, и походах, и в чtenье газет
многоязычных, заглавными буквами чyими —
огиенно-черными — каждое утро глазеют

стволы

далнеприцельных орудий, и душу сверлят
перископы
лодок подводных, и красную кровь превратить
в белую воду хотят водородные бомбы.

И подытожьте-ка, сколько урана взорвать
надо на этой земле, чтоб кора раскололась
и обнажилось ядро?
Вы должны подсчитать
и объяснить, от каких еще видов оружья
матери больше детей не сумеют рожать.

Если вы сможете все это точно учесть,
больше не будет нужды говорить об утрате
веры и бремени этой утраты.

Останется вам
лишь объяснить,
каким чудом
под бременем этой потери
мы не вонзились еще в эту землю,
как кол?!

И объясните по-дружески также, как часто
андерсеновский мальчик является в мир,
чтоб короли увидали, что они голы?
И, если можно, откройте нам, будьте добры,
как они ходят теперь:
наготу прикрывают
или по-прежнему голы, а тех, кто дерзнули
смотреть,—
жить заставляют с завязанными глазами?

И сопоставьте,— бетховенская глухота
связана ли с возмущениями в атмосфере,
с мощными взрывами на потрясенной земле,

и, если связь существует, прошу, поясните,
что, современники, можем мы в будущем
ждать:

множество новых бетховенов мир осчастливит
или количество глухонемых возрастет?

И подсчитайте еще напоследок, прошу вас,
как,
каким образом,
с помощью доброй машины какой,
может еще человек
оставаться и быть человеком
или же только теперь
Человеком пытается стать?

26 октября 1962 г., Ереван



НЕЗАДАЧЛИВЫЙ МИР

Ах ты, мир! Незадачливый мир!
Недотепа-растрепа,
Когда же ты дашь
Твои дикие космы пригладить моим горячим рукам,
Как отцовские руки причесывают
Сына без матери?

Ты, непутевой!
Меня ты совсем замотал,
Мои волосы ты намотал
На стволы и на стебли,
На пальцы, на когти, на щупальца тварей твоих.
Туго-туго,
Чтобы тварям друг друга
Неистово дергать и рвать
И нестерпимую боль равновесием звать.
Что за дело тебе до меня,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа,
Ты, мир непутевой!

Не боишься ты, мир, за меня?
Я боюсь.

За тебя я боюсь.
Вдруг умру я?
Что, если со смертью моей
Равновесье нарушится?
Вдруг мирозданье обрушится?
За тебя я боюсь,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа,
Ты, мир непутевый!

9 ноября 1965 г., Чанахчи



ПРИКОСНОВЕНИЕ МГНОВЕНИЯ

Когда вонзается закат огнистым гребнем в облака
И выбегает ветерок обнюхать землю, как щенок,
Уткнуться в каждого из нас,

и в каждый куст, и в каждый лист...

Когда вечерний холод чист,

заносчив, молод, мускулист,

И, разрешив себя ругнуть, заставит ворот застегнуть...

Когда сквозь бархат темноты не слышно лая суеты,

А знаки редкие огней

зажгут орнамент древних дней,—

Тогда с наивностью детей

Я верю вечному добру

И в то, что смертью я умру...

простой, естественной, своей...

14 ноября 1963 г., Ереван

САРИЧЧИОС (ПРИЧУДЫ ПРИВЕТСТВИЙ)



ЗДРАВСТВУЙ!

Здравствуй!
Одно-единственное слово произношу,
Действительное, как паспорт с печатью на все
времена,
В этом слове моя биография,
Анкета моя.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,
Чтобы стало всемирным паспортом
Это слово
Для всех.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,
Чтобы слово это волшебное,
Открывая все двери в мире,
Обеспечивало успех.

«Здравствуй!» — скажешь ты скорому поезду,
Кораблю или самолету,
И не нужно другого билета.

«Здравствуй!» — скажешь ты незнакомке,
И тебя незнакомка полюбит
Или вместо ответа
Улыбнется смущенно,
Если кто-нибудь с нею
Поздоровался до тебя.

«Здравствуй!» — скажешь ты ясному небу,
И прольется желанный дождик.
«Здравствуй!» —
Скажешь земле пустынной,
И колосья в ответ поклонятся.

«Здравствуй!» —
Скажешь ты смерти,
И смерть сама догадается,
Что явились к тебе не во времяя.

Здравствуй — значит «Сезам, отворись!»
«Здравствуй!» —

Скажешь медведю,
И могут с медведем играть наши дети.
Не бывает игрушек занятней на свете.
И в починке медведь не нуждается.
Лиши медведь заводной повреждается.
Со змеею, как с тростью, старик бы ходил.
Согласился бы нам чемоданом служить
крокодил.

Заменяли бы вешалку людям олени.
Буря выла бы только на сцене.
Человеком воистину стал бы тогда человек.

Добрый час, добрый день, добрый век,
Если в мире добро воцарилось
И у нас на устах водворилось.

Здравствуй! —
Вот он, мой паспорт,
Моя биография,
Вот вам анкета моя.
Весь я в слове одном.

Я
И ты,
Вы,
Они,
Человечество, здравствуй!

В невозможном возможное,
В мире повсюду для нас,
Нет, не только завтра,— сейчас
Это слово единственное, всемогущее:

Здравствуй!

19 февраля 1964 г., Ереван



ДОБРОЕ УТРО!

Снова в небе древняя наша заря,
Чтобы в памяти сверхсовременной
Не потускнела... быль.
Доброе утро, новь моя!
Доброе утро, быль моя!

Как спалось тебе?
Что тебе снилось?
Наверное, страшный сон?
Может быть, снился тебе
Тот, кто тебя
Знает,— знаешь сама,—
Как больной свою боль?

Доброе утро!
Утро — доброе,
Если доброе утро для наших сердец —
Не пустяк среди пустяков,
Оговорка веков,
А горячая ласка
Впервые всегда,
Чтобы нашим сердцам трепетать,
Как трепещет растение
От подземных темных толчков.

Я выхожу на улицу
Отведать воздуха свежего.
Так заядлый курильщик затягивается.
Пахнет шершавым, зеленым,
Молодым огурцом,

Телом девичьим пахнет.
Ограблен я в это утро:
Воздух насыщен тобою.
Каждый тебя вдыхает.

Уже погасли огни.
Лишь светофоры-циклопы,
В присутствии солнца утратив
Пафос верховных жрецов,
По-прежнему проповедуют
Свою световую троицу,
Останавливают и подстегивают
Стадо машин полудиких.
Или только зеленый глаз
У всех светофоров слепой,
Чтобы сказал я в тоске:
Доброе утро, зеленый мой свет,
Доброе утро, мой красный!

Солнце в своих облачках,
Как будто в очках.

Без очков

Я тебя вижу, вдыхаю тебя,
Даже если мы далеки,
Как светофор и циклоп.

Я с тобой

Срасся смертною жизнью,
Бессмертной судьбой,
Доброй, как доброе утро.

Во веки веков,

Доброе утро,

Чтобы сердцем трепетать,

Как трепещет растение

От подземных темных толчков.

Доброе утро, жизнь моя!

Доброе утро, судьба моя!

7, 13 февраля 1964 г., Ереван



ДОБРЫЙ ВЕЧЕР!

Солнце садится.
К закату клонится день.
Рожают горы.
Новорожденная тень
Вырастает
И молча хоронит
Своих родителей.
Смерч,
Встав на цыпочки,
Тянется к небу,
Подтвердив
Опровергнутый миф
О вознесении.
Вздрогнул комочек тепла
В холодном воздухе —
Птица.
В самом центре лошины незримая ось
Шара земного
Означилась в образе женщины.
И, виноватый,
Украдкой шепчу,
Нет, не ей —
Той, далекой моей:
Добрый вечер, моя одинокая!

15 декабря 1961 г., Ереван



ДОБРОЙ НОЧИ!

Вечер набух. Давно раскопала ночь
Клювы кривые огней.
Тротуары под каблуками устали зевать.
Улицы выметены.
Завтра выметет солнце последние клочья тьмы.
Город спит.
И с глазами открытыми —
Город спит.
Неужели не спится тебе?
Доброй ночи тебе, дорогая!

Готова печаль ветвистая вновь одеться листвой,
Листвой, чтобы тень отбрасывать, ядовитую тень.
В этой тени ядовитой кто хочет пускай спит,
Лишь бы не ты.
Доброй ночи!

И сторожа,
Ночные пастыри, дремлют,
Пока фонари-овчарки
Стерегут загон осторожности.
Только я не смыкаю глаз,
Как будто тебя назойливо
Выживает сейчас
Эта старая дева,

Старая дева Бессонница,
И никакие сноторные не помогут на этот раз.

Да, боюсь я бессонницы,
Старой девы боюсь,
Как ребенок боится врача.
Лишь бы ты не болела.
Усни!
Доброй ночи!

Сколько в жизни моей было разных ночных?
Не сочтешь!

Арифметика тут ни при чем.
Разве только на пальцах любви сосчитаешь,
Но пальцы любви
Не разогнутся, согнувшись.
Я буду считать,
Лишь бы ты поспала.
Доброй ночи тебе, дорогая!

Этот вежливый дождик
Всю ночь для меня моросил,
Шел исправно,
Хоть я никакого дождя не просил,
Но другие-то спят и подавно!
Закрой же глаза!
Доброй ночи!

Забрезжила ранняя рань,
Даже дождь перестал,
Только ты без конца.
Хоть на миг, словно дождь, прекратись, перестань!
Смилуйся!
Словно дождик, шепни:
Доброй ночи!

9 февраля 1964 г., Ереван



ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Капало, капало, капало,
Из крана зимою капало,
Словно капель на дворе,
(Сердце чаяло голоса!..)

И в трубе водосточной
Умирала вода,
И воскресала, и плакала,
Громко, радостно плакала:
Знакомый домашний голос!
(А сердце чаяло голоса,
Которого нет еще...)

На стеклах цветы ледяные
Без цвета, без всякого запаха
Тосковали безмолвно,
И тосковал бензин
В застывших жилах машин.
(А сердце чаяло голоса,
Который вот-вот зазвучит!)

И я в ожиданье мучился.
Так переводная картинка
Предчувствует руку детскую,

Которая влагой смочит
И на бумагу выведет
Из прозрачной тюрьмы.

Ты пришла, долгожданная,
И коснулась меня
Руками, невиннее детских,
Перевела меня
В мир своей чистоты,
Где заиграл я безудержно
Всеми своими красками.

Нет, не спешила ты.
Жизнь сама не опаздывает,
Чтобы в нашем календаре
Будний день уподобить
Ярко-красной заре.

Ты пришла!
Значит, хватит с меня прокуренных слов,
Значит, хватит склонять мне тоску,
Значит, хватит моим рукам голодать!

Ты пришла,
Как здоровье,
И даже былую болезнь
Вспоминать мне приятно,
Когда здоровье пришло.

Добро пожаловать!

Как мастерство,
Ты пришла
С опозданием, но навсегда.
Добро пожаловать!
Ты пришла,

И бессильное «Господи Боже!» —
Теперь всесильное «Боже мой!»

Боже мой, Любовь моя!
Верно сказано:
Убранная постель —
Мертвая постель.
Ты пришла,
Чтобы мертвым воскреснуть.

25 декабря 1964 г., Ереван



СЧАСТЛИВО!

Если бы все дороги
Вели в одном направлении,
Если бы, приезжая,
Не уезжать никогда!

Нет, не бумага-небо,
Звездные письмена.
Уверенный росчерк молнии,
Автоматически быстрая
Резолюция Жизни
Или Необходимости:
Пора тебе уезжать.

Счастливо!

Но перегорожена
Вселенская магистраль
Млечным Путем — шлагбаумом.
Если закрыт он тучами,
Ты думаешь,
Путь открыт?

Счастливо!

Дождь начинает
Клевать на деревьях плоды,

Которые падают сразу же,
Прежде чем дождь отведает.
Плоды на деревьях созрели
Так же, как твой отъезд.

Счастливо!

И перелетные
Птицы уже совещаются,
Скоро мерить начнут
Стай пернатых картографов
Острыми треугольниками
Небо свое непомерное,
И ты вместе с ними, наверное,
Не можешь не улететь.

Счастливо!

Я все понимаю.
Когда позовет неведомое,
Этому грозному зову
Не подчиниться нельзя.

Да, я тебя понимаю.
Пространство тебя влечет,
Как пропасть или бездна.
Пойми:
Как пропасть, как бездна.
И тебе захотелось,
Вниз головой прыгнув,
Измерить бездну до дна?
Только мы, словно вывеска,
Пригвождены к бытию.
Вместе с гвоздями этими
Жизнь вырываешь свою.

Счастливо!

А что ты ответишь,
Когда тебя спросит старость:
«Неужели без боя
Сдалась всесильная молодость?»
Я тебя не держу.
Но только подумай сначала,
Что потом ты ответишь
Своей неизбежной старости?

Там, говорят, хорошо,
Где нас нет.
А я говорю, хорошо
Там, где нас не может не быть.
Не слушать меня ты вправе.
Не слушай меня,
Уходи,
Чтобы самой убедиться:
Советов нечего ждать.
Истину выстрадать нужно.
Не стоит о ней рассуждать.

Счастливо!

В такие минуты
Помолчать полагается.
Прощанье немногословно.
Поэтому на прощанье
Не успеваешь высказаться,
И в глубине души,
И на языке слова
Вытесняются многоточиями
И копошатся ползучие
«Тем не менее», «все-таки»,
И все-таки, может быть,

Счастливо... не расставаться?

22 февраля 1964 г., Ереван



ТЫСЯЧЕПЕРВАЯ НОЧЬ





АДРЕС ТОТ ЖЕ



«ТЫ»

«Ты» — две буквы всего.
«Ты» — простое местоименье.
Но делают эти буквы меня
владыкою мира всего,
и я приникаю к тебе
всю землей весенней!..

«Ты» — две буквы всего
«Ты» — коротких два звука.
Но странная сила в них и всевластная мания.
И я во рту ощущаю
вкус поющего счастья,
и я унимаю разлуку,
и я обнимаю свидание
и восстаю, отказываясь выполнять приказы
страдания!..

«Ты» — две буквы всего.
«Ты» — алфавит любви.
«Ты», — говорю я тебе тревожно и влюбленно,
и поднимаюсь выше себя самого,
и дружу с героем погибшим
и с гением, еще не рожденным!

«Ты» — всего лишь две буквы...
Но, когда покидаешь меня ты,
я как брошенный дом...
Осыпается штукатурка,
боль,
как моль,
гнездится в стенах воровато,
и дождик точит крышу струйкою юркой...

«Ты» — две буквы всего!
«Ты» — простое местоименье!

28 июля 1958 г., Москва



ИМЯ ТВОЕ

Ненавижу я имя твое,
Как, быть может,
тело твое
Ласку рук моих ненавидит.

Ненавижу я имя твое,
В мой язык оно вонзено,
Словно пшата колючий шип.

Расспроси меня заодно —
Это имя какого цвета?
Этот цвет ненавижу лютно.

...Дочь родится на счастье мое —
Дам я дочери имя твое.
Ненавижу я имя твое.

25 июля 1961 г., Ереван



ТВОЯ КРАСОТА И ТЫ

Твоя красота и ты,
Как цветок и расцвет,
Как солнце и солнечный свет.
Нет без тебя красоты,
Как юности нет без мечты.
Юность моя прошла
И все-таки не прошла.

Твоя доброта и ты,
Как материнство и ты,—
Заповедный мир чистоты,
Ты дошла до него,
Но пока не вошла в него.

Счастье мое и ты
У той же самой черты:
Счастье нашло мой дом,
Но пока не вошло в мой дом.

Стало быть, я и ты,
Как цветок и расцвет,
Как солнце и солнечный свет,
Нет меня без тебя,
Как юности нет без мечты,
Юность моя прошла
И — видишь сама — не прошла.

15 августа 1953 г.



ЦЕНА МЕЧТЫ

Мы решили спешить
И друг другу тогда
Постарались внушить,
Что любовью всегда
Можно все одолеть...
И все наладится впредь...
Но ложь — страшнее, чем смерть...

Видишь, яркий кристалл
Той мечты — отблестал,
Тенью бледною стал,
Пустотою сплошной.
Тенью бродит мечта,
Но эта тень — за спиной,
Мучить нас нанята,
Жить с тобой и со мной.

5 ноября 1955 г.



ТЫСЯЧЕПЕРВАЯ НОЧЬ

Клавиши-тротуары,
Длинные пальцы дождя.
Ночью в пустынном городе
Смутная эта мелодия,
В которой заключены
Победы негромкие осени,
Торжество желтизны,
Холодный сон одиночества,
Его четыре стены,
И справедливая жалоба,
Не понятая судом,
И тоска непривычная,
Хозяйка в сердце хозяина,
Крик беззвучный, отчаянный,
Как будто девушка за полночь
Испугалась во сне,
А также воспоминания,
Из немого изгнания
Вернувшиеся ко мне.

Вернувшиеся,
Чтобы за полночь
Вместе со мною слушать,
Как длинные пальцы дождя

К беззвучным панелям-клавишам,
Бездарные, прикасаются
В ночной тишине, пока,
Неумолчная, неисчерпаемая,
Исподволь запасается
Словами моя тоска.

На твоих тротуарах дальних
Кто тебе скажет сегодня
Эти слова мучительные,
Которые душат меня?
Сердце мое изведало
Тысячу нежных ночей,
Где же тысяча первая?
Почему не доказываешь
Ты, моя Шехерезада,
Вечную сказку свою?

Кого ты спасаешь от смерти?

14 ноября 1959 г., Чанахчи



ТОСКА ЛУНАТИКА

Вновь наступает ночь.
И, как всегда в темноте ночей,
звезды-ежи просыпаются,
и темноту пронизывают
иглы звездных лучей.

Моя тоска беззащитная
скрывается днем в подполье,
тайну свою храня.
А ночью тоска-предательница
тебя называет по имени,
и память пытает меня.

Огромный город — в летаргическом сне.
Нет покоя лунатику.
По крышам крутым и скользким,
по карнизам зубчатым
и по громоотводам
к тебе, как вчера, как завтра,
суждено торопиться мне.

Если бы вдруг увидела
меня ты в своей дали,

если бы, перепуганная,
ты воскликнула «Ах!»—
знаешь,
моя желанная,
знаешь ты, что бывает,
когда окликают лунатика?
Я бы разбрёзгивал
у тебя на глазах!

Так бывает.
Однако
упасть не боюсь я с крыши.
Кровью своей не смою
я с тротуара снег,
от работы избавив дворника.
Не окликнешь вовек
ты меня в своем отдалении,
молчанье всегда храня,
не потому, что ты добрая,
а потому, любимая,
что ты не любишь меня.

22 марта 1959 г., Москва



ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Ты — случайно моя последняя
И судьбою моя единственная...

Так по-детски всегда звучат прилагательные любви,
А я так долго живу, что в моем человеческом возрасте
Дерево персика десять раз

Уже успело бы умереть.

Как живешь вдали?!

Я не видел тебя ровно столько лет,
Сколько видел тебя.

У меня в глазах — пустота, незаполнимая бездна,
Потому что в глубокой дали

Ты —

Случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Сейчас у меня на губах

Повис колоссальный мир —

Клубок, роистое облако слов,

От их пронзительного жужжания — у меня

головокружение,

И если в одно мгновение слова эти с губ слетят,

Пускай с любовью летят,

Только с любовью, с любовью,

С библейским витанием и парением,
В котором — пустыня с горячим дыханием,
С песчаным скольжением, с миражным дрожанием.
Неужели в твоей глубокой дали,
Во влаге твоей долины лесной,
Слова, не произнесенные мной, тебя не преследуют
без конца?

А если ты слышишь мои слова, слова, не произнесенные
мной,

Ты разве не чувствуешь головокружения,—
Такое должны ощущать, мне кажется,
Беременные,
Одной из которых,
Только одной,
Я мысленно мог бы сказать:
Ты — случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Добротой наслаждались так мало.
Не по этой ли самой причине
Становлюсь постепенно добрей,
И настолько я делаюсь добрым,
Что жалею теперь... одиночество даже.
Оно измучилось тоже. И мне его жаль.
Хватит, каждый из нас пускай распахнется,
Пускай улетит одиночество из наглухо запертой клетки.
Хотя бы встретимся там... там хотя бы,
Где встречаются утро и ночь.
Но когда-нибудь разве они встречаются —
Мне ли знать? Может, что-нибудь знаешь об этом
Ты —
Случайно моя последняя
И судьбою моя единственная.

Снег идет,
Не по-снежному теплый снег:

Это север привет посыпает югу.
И такие весенние запахи в снеге,
Такое далекое нечто,
Какое-то воспоминание,—
Из-за их доброты, душевно-лекарственной,
Не умирает и не живет
Моя любовь —
Случайно моя последняя,
Но судьбою моя единственная.

Так превзойдем же себя,
Совершим же такие поступки, которые нас опровергнут,
Нанесем же обиды взаимно
И оскорбимся взаимно,
Чтобы... тоска примирилась сама с собой,
Чтобы страданье простило себя самого,
И я наконец убедился, что ты не была никогда —
Ни моей единственной по воле судьбы,
Ни моей последней по воле случая...

26 января 1962 г., Ереван



РАЗЛУКА

Тишина. Таинственная. Глубокая.
Молчанье. И это молчанье подобно
Только молчанью слов в словаре.

И сейчас не двенадцать часов на дворе,
А дважды двенадцать. Пахнет сеном свежайшим
То ли этот асфальт,
То ли этот трамвай,
Который во сне растянулся подробно, неправдоподобно,
Как шелкопряд из каких-то мифических строк.
Это значит — разъят, разлучен электрический ток.

«Разлучены».
Это слово меня превратило в железо весов
И рвется узнать свою точную тяжесть. Однако —
Нет чисел таких на моем циферблате убогом...

Ты где? Что ты делаешь там? Наступила разлука.
Есть магнитное поле, но мы за чертой. Наступила
разлука.
Так яблоко выжимают — разлука плода и сока.
Итак, мы на это обречены... Разлучены...

Я совсем не любитель футбола. Но — перед глазами
Какой-то мяч, непрестанно хромая, танцует часами.
Так сходят с ума? Я распутать хочу: какое дело мячу
До меня, до ночной тишины, до нашей разлуки?..

И то, что мы называем любовью,
Может быть, даже совсем не любовь,
А просто — рев паровозный, шум вокзала нервозный,
И женские руки — две сломленных ветки.

А есть ли хотя бы один язык,
Где нету этого слова «Разлука»?
Если есть — я меню национальность...

Есть? Никакого ответа. Ни звука.
Никакого ответа — ни с какой стороны.
Но — никакой тишины. Крик сплошной.
Зов сплошной. Рев сплошной.

Сейчас титанический четырехтомный словарь
Набухает единственным словом — «Разлука».

И единственной мысли во мне поднимается крик:
Есть ли хотя бы один язык,
Где нету этого слова «Разлука»?
Если есть — я меню национальность!

30 октября 1961 г., Ереван



* * *

Твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье
вдруг встретились, как на тропе
два путника. И побрали.
И разойтись не в состоянье
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

Когда, устав, решив прилечь,
мы на ночлег ложимся рядом,
над нами, чтобы нас сберечь,
стоит старинное сказанье.
А между нами, словно меч,—
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

20 марта 1959 г., Москва



ТЕБЯ НЕТ И НЕ БУДЕТ

Тебя нет, тебя нет...

И утро
такое мутное,
такое нудное.

...и не будет тебя.

И горизонт закрыт,
его закрыла не туча,
а воздушная складка твоего платья.

Тебя нет, тебя нет...

И, как воздух, жгучая
эта тоска,
это проклятье.

...и не будет тебя?

И, кажется, чиркнешь спичкой —
и воздух вспыхнет,
и рассеется мрак.

Тебя нет, тебя нет...

И слава богу!
Почему же я чувствую тебя так,
как безногий чувствует ногу,
которой нет!
И не будет!

30 марта 1959 г., Москва



КОГДА ЗАСТЫВАЕТ ВЗГЛЯД

От слова «одиночество»
дрогнет и воздух в комнате,
и я осознаю, что у человека
самое слабое место — глаза.
Когда застывает взгляд, говорят:
кто-то должен прийти.
Если это не ложь,
то доброта
и родилась от бессилья, и только.
Мой взгляд застывает,
но ты не придешь.
Не можешь прийти, я знаю!
И воздух в комнате будет дрожать
от слова мучительного
«одиночество»,
напоминая о том, что пропасть,
может быть, и существует затем,
чтоб испытать человека.

Как мне быть,
если это действительно так,
если пропасть действительно существует
для того, чтобы броситься вниз?

Что мне делать,
ведь я не кувшин, а кувшинка
и падаю, падаю, не разбиваясь,
а опадая?

Я просто устал.

Как листы от попыток моих устали
два слова сказать тебе издалека,
которые так же меня выражают,
как курица самолет...

Есть ложь, которая стоит правды;
я верю в присочиненную ложь,
что мы друг друга не потеряем.

Есть страх, который стоит смерти;
я опасаюсь, что жизнь войдет в колею,
а я останусь жалким историком боли.

Есть шаг, наконец, который стоит полета,
и я вырываю себя из собственных мыслей,
как вырывают из десен здоровый зуб.

Я просто устал.
Настолько устал,
что ничего не чувствую,
боли не ощущаю.

Ах, если б только не ощущать, что глаза —
самое слабое место у человека.

3 октября 1961 г., Ереван



ПИСЬМО

Она ли ко мне,
Я ли к родной обращаюсь душе,—
Сам не пойму:
«Когда же, когда же увижу тебя?
Осень и лето,
Зима и весна...
А где наше время года в их череде,
То, пятое, где?..»

Она ли ко мне,
Я ли к родной обращаюсь душе,—
Сам не пойму:
«Разве ты не заметил вдали от меня, что зимой
Невозможно пробраться к заветной чащобе
лесной,

По которой в летние дни проходил,—
Потому что, съежившись от мороза
И согнувшись убого от снежного груза,
Ветви загромождают дорогу,
А в сумерках или во мраке
Они царапают щеки,
Угрожающие лезут в глаза.
Я бродила в сумерках леса.
И бродила, скажем... рассеянно.

Рассеянно или сосредоточенно —
Разве это совсем не одно и то же?
И я внезапно открыла,
Что, когда мы взволнованы,
Мы прячем жалкие руки свои,
А когда неуверенны,
Мы прячем жалкие ноги свои.
А когда мы прячем свое лицо?
Когда захлестывает стыд?
(Я не стыжусь любви своей.)
Когда захлестывает тоска?
(Я хочу смотреть на тебя в упор.)
Быть может, от этих когтистых ветвей,
Быть может, от стужи, согнувшей меня по дороге
И вынуждающей дальше идти по снегам,
(Я хочу прижаться к твоим рукам)…»

Она ли кончает письмо, я ли вместо нее,—
Сам не пойму:
«Все вопросы мои оставь без ответа,
Но ответь по совести только на это:
Весна отшумела —
Я увидеть тебя не сумела,
Лето вослед отшумело —
Я увидеть тебя не сумела,
Осень вослед отшумела —
Я увидеть тебя не сумела,
И зима отшумит —
Не увижу тебя.
А где наше время года в их череде,
То, пятое… Неужели никогда и нигде?»

1 февраля 1963 г., Ереван



УСПОКОЙ МЕНЯ

Успокой меня,
успокой...

Помоги унять мою боль...
Нет, она не пройдет.
Может, просто махнуть рукой:
пусть живет,
все равно я ей не хозяин.
Сделай так, чтобы я спрятался за тоской,
от тоски своей скончался.
Успокой меня,
успокой.

Для чего же эти сомненья?
Или мне говорить не больно?
Пусть не все для тебя открыто —
и сказавшегося довольно.
Хватит! Мысли мои запри,
думать нет никакой мочи,
веришь, мочи нет никакой!
Успокой меня,
успокой.

Я соскучился по простым словам,
по простым словам человеческим,
пусть обычным и даже стертым,
но единственным, достоверным.
Пусть они навестят меня,
и тогда, наверное, снова
я спокойствие обрету.
А пока хоть каким-то словом
упаси от тоски такой.
Успокой меня,
успокой...

Хоть каким-нибудь пустяком...
Сотвори — ты же можешь! — чудо
смехом, дробью шагов, дыханьем,
загогулиной на стекле,
чем-то явно напоминающей
знак исчезнувшего языка,
всем, чтоб это имело силу
заклинанья.
Дай мне совет,
но такой, чтоб меня не сковывал,
сделай кардиограмму волн
световых, как прибор сверхточный.
Объясни себя. Нет, постой —
перевод всегда убивает.
Успокой меня,
успокой.

В космосе все тела шаровидны,
и во мне все узлом сплелось.
Страсть,
страдание
и надежда —
все завязано,
все узлом.
Не распутаешь и не пробуй,

не распишишь любой пилой.
Успокой меня,
успокой...

Прикажи мне: «Остановись», —
я и с места не сдвинусь, словно
перед фыркающим трамваем
или запертой дверью.

Я
не хочу ничего хотеть,
не затем, чтоб хотеть обидно,
просто нечего мне хотеть.

Впрочем...
Все-таки я б хотел
на минуту остановиться,
на мгновение, но не так,
как пред фыркающим трамваем
или дверью глухой, а так,
как молитвенно замирают
над весенним цветком:
слепой
так от запаха прозревает.
Сотвори же такое чудо!
Успокой меня,
успокой...

4—5 апреля 1961 г., Москва



В ЖИЗНИ ВСТРЕЧАЕМСЯ МЫ СЛУЧАЙНО

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей.

Хочешь — молчи,
Хочешь — кричи,
Если поможет крик.
Хочешь — рви зубами подушку,
Хочешь — уткнись в подушку
И прикуси язык.
Если ты верующий — кляни бога,
Если неверующий — поверь.
Хочешь не хочешь — одна дорога,
Жить не жить — все равно теперь!
Поздно что-нибудь изменить,
Дело это — пропавшее.
Но, знаешь, это и есть — жить.
Это и есть любовь. Настоящая.

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей.

26 января 1962 г., Ереван

СНОВА НЕ ЛЮБЯТ, ЛЮБЯТ ВНОВЬ



ЛЮБОВЬ

1

На карту никто не наносит ее нехоженых троп.
Негаданная, приходит, как дождь или как потоп.

Любовь.

Нидерланды вечные, когда, за клочком клочок,
У моря ты отвоевываешь
Насущную землю свою.

Любовь.

Когда проплывает
Корабль по реке судоходной,
Мосты перед ним поднимаются,
Как руки сдающихся в плен.

Любовь.

2

Своему собеседнику,
Как автомат, отвечаешь,
А в глубине души
Обращаешься неумолчно

К той, самой далекой в мире,
Чье имя с тобою, как паспорт
Без печати.

Любовь.

Удары в сонной артерии, как будто капля за каплей
Податливый камень долбят, нет, не по дням — по
часам.

Сети тугие бессонниц,
В которые рыба не ловится,
В которых бьешься ты сам.

Любовь.

Как будто бы заживо
Кожу с тебя содрали.

Любовь.

Повсюду преследуют
Эти глаза тебя.
Ставят печать на вселенную.
На питьевой воде,
На всей твоей жизни, на каждом
Шарике кровяном
Штампом,
Клеймом,
Печатью.

Любовь.

10 марта 1964 г., Дилижан



РОЖДЕННАЯ В ОДЕЖДЕ

Все дела я забросил.
Я придумываю тебе
новые наряды,
потому что не знаю,
как ты одета сейчас.
Самая старая, самая юная
крепостная искусница,
ткачиха-весна выполняет
ответственный мой заказ.
Шелками нерукотворными,
редкостною парчою
одевает она тебя.
Благоуханья таинственные,
как будто... как будто в аптеке.
И кажется,— платье выбрать
ничуть не трудней, чем спросить
в обычновенной аптеке
обыкновенное снадобье,
ничуть не трудней, чем назвать
собственную фамилию.
Но вскоре я убеждаюсь,
что это ничуть не проще,
чем заглянуть собеседнику

и в правый и в левый глаз
одновременно.

Попробуй
загляни...

И невольно
я вспоминаю женщин,
чье тело как будто просится
на свободу, как будто
одежда — тюрьма для тела.
Ходят они, разряженные
по последней моде, и все-таки
ходят они голые.

А ты...

Ты — другая.
Одетая,
ты родилась,
окутанная
свою собственной тенью,
как покрывалом...

Другая ты...

Ничьи помышления низкие,
ничьи вожделения грязные
тебя не смеют коснуться,
а если тебя коснется
чай-нибудь страшный помысел,
в гневе он оборачивается
против того, кто хоть мысленно
посягнул на тебя.

Другая ты!

Таких, как ты, только любят,
и, как бы тебя ни звали,
такие, как я,— называют
всегда тебя Мариам.

24 марта 1964 г., Дилижан



МОЙ ГОРИЗОНТ

Мариам!
Слышишь ты, Мариам!
На улице ливень.
Открыть окно
Все равно что открыть
Бутылку бешеного джермука.

Из окна вылетаю в небо.
Оно
Ясное после дождя,
Словно твой взгляд.
Оно
Безграничное, как улыбка твоя.
Падаю с неба.
И вокруг меня скалы величественно сидят,
Как допотопные птицы.

Нет, не меня,
Ты сама себя отвергаешь,
И лживым твоим словам
Так же легко спугнуть меня,
Как этих каменных птиц.
Поняла?

Тогда посмотри!

К ласковому горизонту
Прильнуло широкое поле,
Чья голова кустистая,
Словно гора лесистая.
Имя горы бессловесной
Мало кому известно,
Как и мое.
А кому
Имя твое не известно,
Схожее с горизонтом,
Имя твое, *Мариам*:
Подходишь —
И убегает,
Отходишь —
И настигает.

Хоть бы когда-нибудь
Мне моего горизонта,
Приблизившись, не спугнуть!

24 марта 1964 г., Дилижан



АНАЛИЗ ТОСКИ

Я знаю так хорошо свою тоску по всему, что так
далеко,—
Как знает слепой квартиру, где прежде жил...

Я не вижу, не различаю даже движений своих,
Предметы прячут свой облик, избегая сближенья со мной,
Но безупречно, и точно, и беспрепятственно,— сам,
Не спотыкаясь, я двигаюсь там,
Существую там,
Быть может, как те самозаводящиеся часы:
Даже после того, как стрелки у них оторвут,
Часы все равно идут, не показывая уже никогда
Ни число часов, ни число минут...

И, качаясь меж одиночеством и темнотой,
Я упорно хочу разложить, расщепить тоску,
Словно химик, хочу подвергнуть анализу и понять
Природу тоски и глубокую тайну тоски.
Но идея моя, и попытки мои, и старанья мои
Вызывают смешок воды в водостоке, в дали,
В такой немыслимой дали,
В такой неслыханной дали.

Какая-то пташка-мещанка с помощью жидких рулад
Пытается в песне без слов свой жалкий удел
воплощать,—

В такой неслыханной дали,
В неосязаемой дали.

Слова начинают мой дух оскорблять,
Потому что мне слышатся их голоса
В неосязаемой дали,
В такой мучительной дали.

Я хожу от стены к стене, и звук шагов
Доносится издалека, возникая, словно строка,
В такой мучительной дали,
Всепоглощающей дали.

Я, конечно, совсем не слепой,
Но смотрю и не вижу вокруг
Ничего, никого,
Потому что
Зрению свойственно отторгаться от нас
И углубляться в даль до упора в грань,
От которой мы так сейчас далеки,
Так немыслимо далеки.
Нестерпимо так далеки.

И нам самим бежать за собой,
И нам самим себя не догнать,
И нам самим себя не достичь...

И не это ли разве тоска?..

4—5 февраля 1964 г., Ереван



ТАК НЕ ЛЮБЯТ

Меж любовью и долгом
это я торчу,
как шлагбаум...

Вот я выдерну с корнем себя,
то есть прямо к Закону пойду,
поднимусь и скажу:

— Сделай, Отче, меня, человека,
беспристрастным параграфом Свода Законов твоих.

— Створи из меня,— я скажу,—
твое нет и нельзя,
не положено,
не подобает...

Возьми мои руки —
для чего они мне?

Все равно я торчу, как бревно,
меж любовью и долгом —

возьми мои руки, ты слышишь?!

Все равно без нее как без рук!

Без нее...

Без нее —

той, которой моя говорил я — да так,
что лягушки

пучеглазо и буддообразно взирали на нас,
очевидно, пытаясь понять это жгущее слово,
это слово палящее и задыхающееся —

м о я.

А теперь ты настолько моя, насколько моя

Абиссиния.

А теперь ты мне так близка, как близок Мадагаскар.
Вот и сам я теперь,
как нелепый какой-то шлагбаум,
меж любовью и долгом —
такой неуклюжий —
торчу.

Нет, так не любят.

Так медленно умирают.

Так на приколе тлеют старые корабли.

14 ноября 1963 г., Ереван



У ДВЕРНОГО ЗВОНКА

Нажимаю на кнопку.
Звонок отвечает: «Жжет!»
И за дверью твоей приглушенный отзыв: «Горит!»

Жду. Мгновение.
Нет, не мгновение, целая жизнь,
Которая течет, к сожалению, не как вода.
Жду. Безжалостный звук возвращается:
«Тьма!»
И в кавычки берет меня черный этот ответ.

Тебя нет?
Значит, все это выдумки, просто выдумки, да,
«Шестое чувство»,
«Сердце-вещун», — слова, знакомые с детства,
Может быть, человечнейшие слова?

И в отчаянье сдавливаю горло звонка.
«Мрак» — за дверью предсмертный хрип
Или, вернее, глубокий, равнодушный зевок.

Жду. Проходит мгновение, нет, целая жизнь,
Жизнь, распятая на твоей лестнице,

Лишь богомольцев нет.

«Мрак», —

Возвращается звук, превратившийся в черный цвет,
И траурною рамкой обводит меня.

Так.

Тебя дома нет. Не вернулась ты.

Город осиротел. Я сам бедней сироты.

Опровергаешь ты,

А ведь надо бы утверждать:

Есть шестое чувство.

Сердце-вещун.

Нажимаю на кнопку.

«Любовь», — говорит звонок,

А за дверью твою непрошеный отзвук: «Тоска»...
Жду. Мгновенье? Вечность?

В последний раз

Нажимаю на кнопку,

И звонок отвечает своим неотвязным «Жжет»,

И могучее эхо этого «Жжет» — «Горит»

На пороге нового дня —

«Доброе утро» всем женщинам,

Которых я не люблю,

Потому что люблю тебя даже тогда,

Когда твоя дверь заперта для меня.

20 октября 1962 г., Ереван



ПОД НОШЕЙ

Ты проходила...
Казалось, весь вечер был твой,
вечер весенний —
и ты проходила плавной походкой.
Будь платье со шлейфом,
я мог бы сказать:
за тобой
и вечер, как шлейф, волочился.
Но ты была в платье коротком,
и сумрак в коленчатых ямках, темнея, густел,
пока на плечах догорающий день золотел...

Косые лучи облекали тебя в золотое шитье
и пряжей блестящей наматывались на пуговицы.
И тень вырастала,
как обаянье твое,
и, опережая, тянулась, тянулась по улице...

И чем-то довременным обдало из темноты,
и странное чувство возникло,
сосущее, ноющее:
когда есть такое сокровище в жизни,
как ты,

как мог я считать эту жизнь
пустой и нестоящей?

Как часто я опускался до мелкой вражды и ссор,
до ненависти и гнева — лишь бы наперекор.
Я чувствовал не восхищенье,
а злобу и отвращенье.
Вот потому сегодня —
хоть поздно! —
прошу прощенья...

Я больше не буду размениваться
на мелочь дешевых драм,
не буду под ношей житейской
склоняться ниже и ниже:
и так я, как горб, с рожденья
тащу огромный орган!
Идешь ты — и он звучит.
О, только ступай потише.

Красавица, только ты...
О,тише,тише иди,
чтоб плавной походке в такт
и сердце согласней билось,
чтобы глаза отдыхали,
видя тебя впереди,
чтоб, тайно владея тобой,
мысли к тебе стремились
и чтобы, как тень, тянулись покой и умиротворенье
и легким подолом платья развеивались сомненья.

26 сентября 1963 г., Ереван



ПУТЕШЕСТВИЕ ВСПЯТЬ

Отчего ты меня избегаешь и сторонишься?
Оттого ли, что мы недавно знакомы
и еще не узнали путем друг друга?
Но, моя недотрога,
я тебя знаю
40 примерно или 4000 коротких лет!
Почему же ты забываешь об этом
и держишься робко и отчужденно,
как будто и в самом деле
с тобой мы едва знакомы.

Нет, дорогая,
мы не юная пара влюбленных —
мы ходячие памятники любви,
древние и стародавние!
Я тебя знаю, всю, наизусть и на память,
как знаю огонь, — тот огонь,
который тенью своей рисовал нас на стенах
пещеры,
чье трепетанье нас повторяло —
твою смятенность,
и мой порыв,
и жаждущие объятия наши —

объятья, в которых рождались боги
в знакомых обликах наших детей.

Мы с умиленьем горячим можем
считать века, как зубы младенцев.
В памяти нашей мифы зимуют,
дремлют сказания и легенды,
которые от каждого прикосновения,
помолодевшие, пробуждаются.
И с каждой любовью —
нашей любовью —
 заново обновляется мир.
Жизнь повторяется в новых формах,
даже в твоих осторожных жестах,
даже в сомненьях твоих боязливых
и в бессознательном страхе —
во всем,
без чего невозможно начало, начало...

У каждой любви одинаков конец.
Только начала неповторимы.
Но что нам гадать о конце любви?
Пусть размышляют о ней разлюбившие!
А мы — в начале,
и я хочу,
чтоб было оно таким же, как прежде,
когда огонь рисовал нас на стенах пещеры,
и зыбкое пламя передавало
и трепет мой,
и твое смятенье,
и жаждущих тел взаимосплетенье,
в которых веселое пламя жизни,
не угасая, горит, горит —
вечно — и в дымообразном страданье,
и в огнеподобном счастье.

Велик

духом, кто не боится признаться:
радость вместильнее невзгод,—
время иначе бы так не мчалось,
в минуты стиснув часы любви...
Так что не стоит робеть и мешкать,
медленно тлеть.

Лучше будем смелей
и благодарней гореть, как пламя,
чистое пламя — пища богов...

Знаю, не все достойно забвенья,
что забывается.

Но забудь
о колебаньях своих,
о робости,
потому что знаешь, таким, как мы,
просто стыдно не знать друг друга.

Откройся ж!

Откроемся!

И забудь,
что мы недавно с тобой знакомы.

Откройся!

Откроемся!

Чтобы в нас,
дремлющая веками, очнулась
близость спасительная,— и мы
взялись бы за руки и, как в сказке,
снова вернулись с тобой туда,
где мы бывали — тому лет 40
или 4000 лет.

Что же, вернемся — и вновь оттуда
новой любви дорогу начнем,
к сущности дремлющей возвратимся,
снова вернемся — к самим себе...

16 марта 1964 г., Дилижан



БЕСШУМНЫЙ КОЛОКОЛ

Глупая зимняя птаха
Благословляет вечер,
И невдомек ей, что вечер
Тобою до одури пахнет,
И каждая птица, по-моему,
Скандирует имя твое.

Снег целый день идет,
Может быть, снег всемирный,
И теперь нам не вырваться
Из этих белых тенет,
И от мокрого снега
Тишина тяжелеет,
Совсем как мои ботинки
Или твое пальто.

Тяжкая тишина,
Словно кто-нибудь любознательный
Опустил на вселенную
Некий бесшумный колокол,
Испытывая без конца,
Сколько времени выдержат
В безвоздушном пространстве
Беспомощные сердца.

Как лакмусовая бумажка,
Темнота поглощает свет.
Лес в столбняке.
Ощупью
За темноту хватаюсь,
Обнять пустоту пытаюсь...

Только тебя нет.
Вздохнуть бы,
Поглубже вздохнуть бы,
Но я понимаю вдруг:
Нет, не щебечут птицы,
Птичьи тела взрываются
В безвоздушном пространстве.
Под этим бесшумным колоколом
Вздох мой — в сущности, взрыв.

Эксперимент заканчивается.
Дежурный ветер сигналит.
Это последний сигнал.
В судорогах лес припадочный,
В снегах,
Под окном, в дверях
Сам ветер будто припадочный.

В куб возводит себя темнота
И, с белизною смешиваясь,
Распространяется серостью
И на жизнь человеческую,
И на дыхание наше.
А если дыхание серое,
Человек засыпает,
Чтобы цветными снами
Раскрасить серую жизнь.

Мне одному не спится.
Покуда земля вращается,

Огромным точильным камнем
Оттачивая ночь мою,
Чтобы не притупилось
Чувство мое, разрывая
Тусклую пелену,
За которой любовь-привычка
В своем повседневном плену.

15 марта 1964 г., Дилижан



ПОВСЕДНЕВНОЕ ЧУДО

Мы встретились.
Ты поняла?
Как малыш, перепачканный за игрой,
Жизнь омылась,
И воздух вылупился
Из мглы, как птенец из яйца;
Дождик и снег —
Тоже воздух
Во плоти.
Вкусный воздух!
Ты попробуй
Проглоти!

Мы встретились.
Ты поняла?
Разлученные,
Твоя близость с моей близостью
Соединились в нежности,
И возникла любовь.
Так водород удваивается,
И кислород усваивается,
И возникает вода.

Мы встретились,
Чтобы рухнули
Книжные ветхие стены.
Знание растворилось во влажных твоих
глазах.
И на лоне истории твой драгоценный след.
Разрушен и восстановлен воздух твою
рукой.

По новым законам физики,
Которые гения ждут.

Мы встретились...
И заснули бесконечные «но»,
Чтобы вдруг пробудилась радость
И устремилась вверх,
Пытаясь вихрем лучистым
Пронзить небесную твердь.
Оттуда бы непрерывным
Ливнем на целый мир!

Мы встретились,
Просто встретились,
Чтобы впредь, как теперь,
Просто будням сопутствовали
Привычные чудеса.

18 марта 1964 г., Дилижан



ТРЕПЕТ НЕРВА

Снова звонят.
Это мне звонят
Из посольства весны.
Сулят мне визу в другую любовь.
Зря стараются.
Это не для меня.

Космонавт искушенный,
Летал я не раз
По темным орбитам
Твоих неизведанных глаз,
Возвращался и снова пускался в путь,
И не так-то просто меня обмануть.
Боль моя научила меня:
Другая любовь — обманчивый свет
Звезды, которой давно уже нет,
Тогда как маленькая звезда —
В действительности
Ослепительный мир.

Ты мала, и ты велика,
Как родина твоя и моя.
Царственно улыбайся,

Слушая эти звонки.
Зря старается посольство другой любви.
Могут звонить,
Пока не надоест.
Сядь, пожалуйста, рядом со мной
В этой вселенной, которую комнатой зовут,
В этой вселенной, где мириады мельчайших
мумий,

Иными словами пылинки,
Бессмертны
На многоликих книгах,
Которые, впрочем, стоят
Лицом к стене, словно дети,
Наказанные (за что?).

И зачем на меня
Ты все еще по-детски глядишь?
Разве ты не чувствуешь:
В разбуженном теле твоем
Одиночество подавило само себя,
Путы волосяные страсть порвала
И распостерла крылья,
Чтобы заполнить полые наши тела,
Так что вместо нас
Под микроскопом всевидящим
Один-единственный обрывок нерва трепещет—
И вся вселенная с ним.

Видишь? Темнота наслаивается на окно.
Света не зажигай!
Лучше лампы
Лунная белизна
Голых твоих колен.
Телефонный звонок? Не стыдно тебе?
И ты способна слышать еще звонки?
Оглохнуть пора. Исчезнуть пора.

Лишь трепет нерва,
Вселенную охватив,
Еще вернется
Под микроскоп.

22 марта 1964 г., Дилижан



НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Когда рассвет заглядывает в дома
И обшаривает углы полутьма,
Просыпается солнце,
И просыпаясь ты.

Мгла в отпуску.
Дворник-ветер выметает ночную тоску,
От сновидений освобождается взор.
Вот он, день-ревизор.
Вчерашние беды, тревоги, печали
В дверь правосудия постучали.

И твоя дверь еще заперта.
Что ты делаешь в это время?
Умываешься,
Чтобы омылся весь мир,
Причесываешься,
Чтобы в твоих волосах
Возник тончайший электрический ток,
Нежно покалывающий кожу другим,
Так что сладостно люди поеживаются.
Кофе ты пьешь
Черный, словно твои глаза,
Жгучий,

Чтобы в жилах вселенной
Вечно
Благоухать ему.
Потом ты переодеваешься,
Выходишь,
Идешь целый век
И, в конце концов,
Приходишь ко мне на стоянку такси,
На целый век опоздав,
И, невинно виновные,
Твои глаза говорят:
«Не сердись!»

Не сержусь!
Трогай, шофер!
Адрес?
Не знаю!
Трогай, шофер!
Солнце,
Как малыш, как любимый щенок,
Вышло и потерялось.
Поедем и солнце вернем!
Трогай, шофер...

23 марта 1964 г., Дилижан



ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Чего я хочу?

Думаете, счастья хочу?

Нет!

Я хочу всего-навсего

Видеть,

Видеть отчетливо.

Возможность видеть отчетливо —

Божественный дар, по-моему.

Видеть не только во мраке,—

И, ослепленному страстью,

Видеть, как некая тень,

Точнее часов солнечных

Неуклонно показывает

Время нашей души

Наперекор Эйнштейну

И в согласии с ним.

Видеть в себе самом

И в недрах земного шара

Кипение невыносимое,

От которого бьемся мы

О собственный потолок,

И потолок не выдерживает.

Видеть, отчетливо видеть
Это кипенье зудящее,
Видеть его, как видишь
Глухую возню кротов,
Бугорки замечая,
Вскакивающие на поверхности.
Этого на копейку
Не купишь, конечно, нет!
Ценой моего искусства,
Ценою жизни моей
Желал бы я приобрести
Хотя бы возможность увидеть
Направленье, в котором
Мы шагаем, шагаем
Неизвестно зачем.
Ответь мне, моя любимая!
Скажи, в каком направленье
Наша любовь идет.
Откуда наши стремленья?
Что нас впереди ждет?

Ты слышишь?

Уже не чирикают,
Пищат воробыи: «Что... что... что...»
И от этого трескается
Синий небесный свет,
И в небесные трещины
Перепела заколачивают
Произительное «нет... нет... нет...»

Сжалься!
Скажи хоть что-нибудь
Не мне, так птицам в ответ.

19 марта 1969 г., Дилижан



СЕКРЕТАРЬ БОГА

Ущелье словно чернильница.
Цвета слоновой кости —
Остроконечное, вечное
Перо-водопад в ущелье.
Рядом поле квадратное, словно почтовая
марка,
Цветная, заштемпелеванная
Печатью соседней горы.

Если бы только слова
Вновь обернулись предметами,
Если бы действия выявились
В глаголах, а в прилагательных —
Первозданные свойства,
Как, например, сейчас,
Когда ничтожная часть
Огненно-рыжего, жидкого
Былого тепла возвращается
При посредстве летнего солнца
К древней гористой земле,
Если бы я не забыл
Язык моих зорких пращуров,
Окрестивших весь мир,
Обладавших словами,

Совсем не такими скользкими,
Как речная гладкая галька,
Остроконечными, вечными,
Первобытными, новыми,
Пронзительными, кремневыми,—
Взял бы теперь я смело
Остроконечное, вечное,
Цвета слоновой кости
Перо-водопад, которое
Обмакнул бы в горный поток;
Не чернилами,— пеной
На темной зелени леса
Написал бы я, чернокнижник,
Древнее неодолимое
Заклинанье: «Приди!»

Написал бы и сжег,
Небесам воскуряя
Подобие дыма жертвенного,
Чтобы тебе запылать.

И тогда бы вновь обернулись
Водопадом — перо,
Ущельем — чернильница,
Полем — почтовая марка,
Почтовый штемпель — горой.
Только слова оставались бы
Вечными, остроконечными,
Смысл воскрешая звучанием:
А я, я стал бы поэтом:
Новым секретарем
Бога ветхозаветного.

23 марта 1964 г., Дилижан



СЕКРЕТАРЬ БОГА





МИМОЛЕТНЫЕ ПЕСНИ



БЕЗУСЛОВНОЕ УСЛОВИЕ

Зеленые мысли, зрелые мысли,—
Это еще не стих.

(Нет! Самородок духа,
Самоцвет волшебства,
Раскрытие вечное скобок,
Решение неразрешимого,
Вот что такое стих!)

Бездомные, безымянные,
Горбатые «почему»
Снуют везде; ты впусти его
В душу к себе, окрести его
Словом своим, и выйдет стих
Из горбатого «почему».

Большие чувства, мелкие чувства,—
Это еще не стих.

(Нет! Плоть от собственной плоти
С твою собственной кровью,

В воздухе некий трепет
И содрогание недр!)

Ночь богаче оттенками,
Чем разноцветный день.
Попробуй поймай ветер!
Попробуй запечатлей
Зыбкую поступь тени,
И получится стих.
Что же делать? Работать?
Но как над этим работать?
К будням привить воскресенье,
Море воспламенить,
Не отставать от века,
Не спешить никогда,—
И яйцо обретает устойчивость,
И приготовишь ты
Вместо яичницы солнце.

7 октября 1961 г., Ереван



ИСКУССТВО

Ветер какую-то тянет мелодию,
что и Бетховену сделала б честь.

На горизонте брезжит рассвет —
тусклый на темном — картина Рембрандта.

Каждый день миллионом трагедий
жизнь передразнивает Шекспира.

А мы?.. Играем с тобою в искусство
с таким упоением и безрассудством,
каких не знал и герой Сервантеса...

20 марта 1959 г., Москва



ЖИЗНЬ ПОЭТА

Он брат Аарату:
ступни его зноем палит,
зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
отброшенным пламенем жжет,
хотя каждым словом и помыслом рвется вперед.

Слова его тихи,
он их произносит с трудом,
а в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
загадкой слывет меж людьми,
лишь только б слова его стали пословицами.

16 марта 1959 г., Москва



ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Поодаль от леса
могуче и хмуро
на голом холме возвышается дуб.

Стоящий стеною,
шумящий листвою,
весь лес со злорадством смеется над ним.
За то, что не может
гигант подчиниться
закону пигмеев,
ничтожеству их.
За то, что не могут,
не в силах пигмеи
гиганта
в свою тесноту заточить.

Отдельное дерево,
что оно значит —
никак недогадливый лес не поймет.

А дуб на холме —
громоотвод.

21 апреля 1959 г., Москва



ВСЕГО ЛИШЬ...

В теснине свистя,
К вершине летя
Живым существом — в порыве живом,
Калечится он,
И слышится стон, когда он хромает
И пыль подымает, страдая от боли...

А мы говорим, что он просто... ветер.
Всего лишь, не боле!

Он тоже, как ты,
Стыдясь наготы,
Траву и кусты
Свивает клубком и вяжет тайком
Одежду, чтоб голым не выбежать в поле...

А мы говорим, что он просто... ручей.
Всего лишь, не боле!

Пылающий груз коралловых бус
Гигантским колье
Свисает к земле, и шеи террас украшает во мгле,
И свой запах и вкус
Оглашает на воле...

А мы говорим, что он просто... перец.
Всего лишь, не боле!

Шурша золотыми шелками песка,
Нездешним атласом травы и цветка,—
Чистейшим сопрано звучит в баркароле...

А мы говорим, что он просто... родник.
Всего лишь, не боле!

Живопись, масло — раскалено яркое, жаркое
полотно,
Внезапно оно превратилось в пятно,
В гравюру, где все абсолютно черно, хоть щурься
до боли...

А мы говорим... это день, это ночь.
Всего лишь, не боле!

О чуде чудес
Говорим... голова.

О таинстве тайн
Говорим... душа.

О мире миров
Говорим... человек.

О, горе же нам,
О, что мы творим,

Ведь мы о себе говорим, что... поэты.

18 декабря 1959 г.



КОРНИ

Ах, если бы познать земные недра,
и почву, и состав материка,
не так познать, как познает геолог,
планеты пробуравивший бока,
не так познать, как некий археолог,
склоненный над обломками горшка.
Но так познать, как познаешь ладони
и пальцы работающие свои...

Ах, если бы познать земные недра,
как корни познают глубинные слои!

28 апреля 1959 г., Москва



БОЛЬ ТАК ЧАСТО НАС ГОНИТ ВПЕРЕД

Неудобно ходить босиком,
А тесна эта обувь и трет.
Как идти — неизвестен маршрут,
А дорога петляет и врет?!
Здесь топтаться?
Но стоит спросить —
Обувь можно ли так разносить,
Боль возможно ли так погасить...
Боль так часто нас гонит вперед...

1956

НАКЛОНИСЬ, СКАЖУ НА УХО



ОТКРОВЕНИЕ

(Вместо пролога)

Этот бесцветный день,
этот расплывчатый тусклый день,
зауряднейший будний день,
для меня
Архимедов день:
день моего второго рождения,
день, когда я
вдруг
обрел самого себя,
как бы вселился я
в солнечный свет и в ночную тень,
в благоуханный сок,
окрашивающий цветы;
оказалось, что я
камень сонный
и на этом же камне бессонный мох;
я сосредоточен,
словно родник,
и рассеян,
словно тропа.

Я постиг,
что такое крылья,
когда тяжести больше нет.
Я постиг,
что стереться могут слова,
вроде разменных монет.
Я постиг:
лучше слова бессвязные,
чем слова,
потерявшие цену и вес.
И я убедился с тех пор:
если прослыvешь
одержимым,
неистовым,
гордецом,
вступать бесполезно в спор.

14 октября 1959 г., Чанахчи



ХОДЯЧЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ, ИЛИ ОГНЕОПАСНАЯ КРОВЬ

Я, имеющий право на это название —
Живое грядущее,
Я также — ходячее воспоминание,
Живая история.
Пусть простится мне утверждение,
Что крови моей фонтан —
Примерно того же происхождения,
Что нефтяной фонтан:
Это сок, это лимфа множества поколений
Животных и человеческих населений,
И, если спичку к крови моей поднести,
Кровь моя тоже немедленно может... вспыхнуть.

18 ноября 1959 г., Чанахчи



ПЕРЕД ПЕЧКОЙ

А уголь...

Когда за окном тишина

И сыплется снег, сам себя повторяя,

А в печке моей разгорается уголь,

Нет-нет да и слышу я девственный шум

Тех наших лесов,

Что тысячелетья назад превратились

Вот в этот наш уголь...

И крик зверей,

Плодящихся в их бесконечности, слышу.

А также и крики

Прапращиков наших,

Которые ходят еще нагишом,

Хвостаты еще,

Но уже не хотят

Ютиться в слепых и безмолвных пещерах,

Хоть в этих убежищах и безопасно.

И я понимаю, что в те времена,

Что именно в те времена и зачался.

18 ноября 1959 г., Чанахчи



КАК ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Теперь, когда молодость канула вдаль,
Я понял секрет,
Я понял, что очень похож на февраль.
Короче: длинней становлюсь иль короче —
Люблю или нет?!

15 декабря 1959 г., Ереван



ТАЙНАЯ МЕЧТА

Нелепен, непонятен я?
Помогут,— поймешь.
Непременно помогут...

Ведь каждое дерево — стокорневое
И тысячелистое — истолкованье
Плодов моего вдохновенья.
Ведь каждый
Живой организм, даже будь то букашка,—
К собранию текстов моих комментарий.
Ведь каждый топор,
Каждый заступ и молот,
И каждый с горы покатившийся камень,
И каждый о берег разбившийся вал
Есть эхо мое.
Нет, вернее, я сам
Их эхо...
Как видишь, помогут, читатель,
И ты непременно поймешь.

20 декабря 1959 г., Тбилиси



* * *

Я слышу розы красной крик
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И голос маленькой, невзрачной,
мне неизвестной птахи вдруг
приносит звуки одобренья
в часы перед рассветной тьмы
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И кажется, что почтальон
меня немедля осчастливит,
достав из сумки два письма.
Но писем нет.

Стоит зима.
И курится дымок табачный.

18 декабря 1959 г., Тбилиси



НА ЯЗЫКЕ ТЕЛЕГРАФА

Я человек, и, хотя мне другого названия нет,
В то же время я телеграф,
Где круглосуточно телеграфист один.

И не дает мне покоя весь мир.
Миллионы незнакомых людей
Вверили мне тайны свои.
Без лишних слов,
Безо всяких точек и запятых
Тайны человеческие:
Горе или радость,
Когда как.

Это при мне говорят: «Люблю!»
Это при мне вздыхают: «Прощай!»
Безмолвный свидетель,
Я знаю тоску наизусть.
И на свадьбу
Я первый приглашен.
И с днем рождения
Первым поздравил я.
И когда похороны,
Я первый на похоронах.

Победами и потерями
Делятся со мной.
Маленькой радостью и маленькой грустью
Делятся со мной.
Исповедуются
Без лишних слов,
Безо всяких точек и запятых
Вроде косноязычных,
Вроде заик.

Я человек, и, хотя мне другого названия нет,
В то же время я телеграф.

Отсюда три главных моих особенности:
— Чужая радость — моя радость,
Чужая скорбь — моя скорбь.
— Сам я не успеваю
Все мои тайны раскрыть.
— И наконец, поэтому...
Косноязычен я.

19 ноября 1959 г., Чанахчи



ПЕСОК-БАРС

Я тот, кто понимает
Молчание песка.
Он молча
Вспоминает
Минувшие века,
Когда по всем просторам
Ревел поток земной,
Свидетелем которого
Он был, песок немой!..
Но лишь самум тревожно
Взвихрил его,
Звеняще
Напомнивши
О прошлом,
О жалком настоящем,—
Тогда в броске опасном
Кидается, весь рыж,
Бархан свирепым барсом.
И ты не устоишь...
Глаза царапнет
Лютому
Ветру, как врагу.
А заодно —
И путнику

На голом берегу,
А заодно —
Тем людям,
Тем людям,
Что опять
О прошлом, о великом,
Привыкли
Забывать!

15 декабря 1959 г., Ереван



БЕЗ КОНВЕРТА

За прилавком
Радость я продаю,
Весельем торгую.
Смех продается в моем ларьке.
Магазин улыбок — мой магазин.
Десять пальцев моих —
Десять проводников
Счастья.

К чему словари?
Мои губы — словарь любви.
Ноги мои —
Самоходы, когда свидание впереди.
Специальность рук моих — обнимать.
Грудь моя — посмотри —
Лацкан для ордена.
Орден — сердце.
Носят его внутри.

И мне выдавать самому себе
Справку штампованную,
То есть рифмованную?

Я открытка.
Мир — адресат.
Конверта не нужно мне!

19 ноября 1959 г., Чанахчи



МОИ РОД ЗАНЯТИЙ

Я, кроме всего,
Могу отличать поцелуй от лобзанья,
Любовь — от влюбленности, от умиранья —
Смерть, вещи одни — от других.

Действительно,
Разве я занят не тем,
Что, жертвуя этим и жертвуя тем,
Я правду от лжи отличать в состоянье,
И, больше того, фальш — от лжи, состраданье —
От жалости, подлинной правды сиянье —

От фактов нагих...

Когда становлюсь до предела собой,
Точнее — подняться могу над собой,
Я от мглы отличаю туман голубой,
Я от сумрака мрак отличаю любой.

А также:
Верх счастья — от верха блаженства, доступно
Проступок не смешивать с тем, что преступно.
Когда становлюсь до предела собой,
Точнее — подняться могу над собой,

Я, столько различий

Способный постичь,

Не способен себя от других отличить.

15 декабря 1959 г., Чанахчи



БУДИЛЬНИК

И что же я все же являю собой?
Я — будильник,
Вы сами своими руками
По собственной воле меня завели.
И в назначенный час
Мой крик, раздирающий души,
Врывается в уши,
Чтоб вам не проспать ничего.
И чаще всего,
Неблагодарно, бездарно
Вы изо всех сил —
Хлоп! меня по башке,
Чтоб язык прикусил.

19 апреля 1959 г., Москва



НЕ БЕЗ БОЛИ

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что лишь после того
Как дерево спилено,
Мы видим его настоящий обхват.

15 декабря 1959 г., Ереван



Я — СЧЕТЫ

Я в счеты для вас превратился...
И вы
Гоняете взад и вперед без конца
Костяшки мои.
Вы гоняете их —
Считаете что-то весь день,
И еще
Хотите, чтобы я не стучал?
Чтоб я даже пикнуть не смел?

15 декабря 1959 г., Ереван



Я НЕ РЕЗИНКА, А БУМАГА

Я не резинка, чтобы так и этак:
Потянешь — растянусь,
Отпустишь — соберусь.

Нет, я скорей бумага для заметок:
Сожмешь — сомнусь,
Потянешь — разорвусь.

И утюгу скорее перегреться,
Чем перегладить то,
Что жизнь сомнит.

Но все заметы, все рубцы на сердце,—
Их ни одна резинка
Не сотрет.

29 марта 1959 г.. Тбилиси



МИНУТЫ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Минуты разочарования.
Как же, бывают, бывают,
даже чаще, чем надо,
и чем дальше, тем чаще.

Разочаровываюсь в себе:

— Когда я прекрасно знаю,
что надо выкрикнуть: — да!
а я отвечаю: — нет!..

— Когда я, разумный и взрослый,
болтаю как малый ребенок
о тайне, большой или малой,
большой или малой семьи...

— Когда я, еще влюбленный,
уже гляжу на другую,
и голову потерял бы,
нальцем она помани...

— Когда с первым встречным запросто
делюсь своим сокровенным,
сам хорошо понимая,
к чему это приведет...
Все чаще разочаровываюсь,
разочаровываюсь в том,
что вечно разочаровываюсь
сам в себе.

18 декабря 1959 г., Тбилиси



язык воды

Язык воды — язык чужой страны,
который я не твердо разумею:
все, что услышу,
понимаю я,
а вот ответить
не умею.

19 декабря 1959 г.. Тбилиси



ДОЖДЕВАЯ СОНАТА

1

Когда над полем осенним
или над серым сквером,
всеми забытый, быть может,
какой-то дождик скулит
и, шлепая по ступеням,
непрошеным гостем скверным
печаль меня посещает
и, как хозяйка, царит,—
тогда сумасшедшие мысли
теснятся, как зерна в колосе,
в черепе бедном моем:

Ах, если бы умиралось
так же легко, как рождалось!..
Но если бы так и стало,
то выиграли б только мы,
опять-таки мы — ей-ей! —
но не матери наши!

А разве не жаль матерей?!

2

Когда над полем осенним
или над серым сквером
места себе не находит

дождик, забытый всеми,
когда по скользким ступеням
непрошеным гостем скверным
печаль ко мне вновь приходит,
хозяйкою став на время,—
я без дела шагаю,
тупо шаги считаю
и каблуками играю
на клавиах половиц,
не слыша музыки этой,
и вдруг задумаюсь —
и знаете ли, о чем?

Почему во всем мире собаки
облаиваются Луну,
на Солнце совсем не лая?

И, не найдя ответа,
не поискав его даже,
я снова вдруг ощущаю,
что очень, очень скучаю
по злодею разбойному,
который зовется зноем!

3

Когда над полем осенним
или над серым сквером
какой-то дождик грустит,
всеми давно забытый,
когда по скользким ступеням
непрошеным гостем скверным
печаль ко мне вновь спешит
хозяйкою деловитой,—
невольно глаза мои,
любопытством праздным влекомые,
путешествуют по карнизу
напротив стоящего дома.

Они ползут так медленно,
так осторожно,
словно это не взгляд,
а насекомое!
Взгляд скользит по карнизу,
и я понимаю лунатиков!
И голову я впервые
над странной загадкой ломаю.
Есть ведь люди такие,
болезнью лунной страдающие,
но нет почему-то людей,
одержимых болезнью солнечной!
Может быть, это связано
с той непонятной тайной,
что собаки Луну облавивают,
а на Солнце не лают?!

;

Когда над полем осенним
или над серым сквером
грустит этот дождик древний,
всеми забытый навек,
когда в моем доме печаль
хозяйничает при мне,—
что делать мне остается?
За голову я хватаюсь,
болит от дождя голова!

— Эй, гражданин Небо!

Это ненастье нелепо!

Перестань хулиганить,

а то позвоню по ноль два!

То ли крик мой не доходит до неба,
то ли небо не страшится милиции —

продолжает за облаком прятаться небо,
отечное, сизолицее.
И, понапрасну забытый,
все хлюпает гнусный дождик,
и та же старуха печаль
хозяйничаet деловито.
И я, разозленный,
и я, распаленный,
на кухонный кран обрушиваюсь —
весь этo он, он
оплошно оставлен открытым!

Коль небо унягь не умею,
хоть кран усмиряю шальной,
чтоб воду не возненавидеть,
чтоб так не грустить по злодею,
разбойному лиходею,
которому имя — зной!..

19 декабря 1959 г., Тбилиси



ЗАГЛАВИЯ В КОНЦЕ

1

На пыльных дорогах ставят печать,
державную, гербовую печать,
печать,
которую не замечать
способен лишь ветер — охальник и тать...

Ударами сердца и ритмами сердца
оживляют безжизненные асфальты...

Твердую веру внушают земле,
той первородно древней земле,
никогда не теряющей твердую веру...

Это... мои шаги.

2

Слегка удивляют людей иногда,
но чаще всего огорчают людей...

В них — скрип открываемых резко дверей,
В них — горечь захлопнутых резко дверей...
На чуждых устах притворяются льдом,
но рот мой при том обжигают всегда...

Это... мои слова.

Вдоль моха зеленого слезы текут,
текут, не спешат,
текут, и молчат,
и тихонько стучат
по каменной ступе в горном уступе,
которую сами долбят.

Тихонько долбят,
но мозг мой объят
чудовищным громом, грохочущим эхом.

Это... моя бессонница.

И вдруг я свободен, как только могу,—
словно вольный конь на вольном лугу,
словно огонь в горящем лесу...

Все на свете умны,— говорю и не лгу,
даже более — все мудрецы, говорю...

Это... когда пою
для одного, для себя самого.

Бреду средь весенней толпы, как в бреду,
Не обращая внимания даже на женщин,
Чья красота между тем возмутительна...
Бреду так старательно, так медлительно,
Словно шнурками улица связана здимо с моими
ногами,
Затрудняя шаги, запутывая круги...

Вспоминаю о чем-то одном
И, бросив на полпути,
Вспоминаю о чем-то ином...
Сам жалею себя глубоко,
Пусть другие меня пожалеют чуть-чуть,
Пусть другие меня полюбят чуть-чуть,
Пусть хотя бы... как выдают пособие...

Это — моя грусть.

6

Стены вокруг расступаются вдруг,
чернея вдали
горизонтом земли,
а возможно вполне,— горизонт подплывает
ко мне,
и, если угодно,
так можно свободно
лазурь горизонта руками двумя
замесить среди неба,
как тесто для хлеба.

Дня трескотня обдает и меня,
но стекает всегда,
словно с рыбы — вода...

Это... мое молчание.

7

Губы безмолвные — образ гнезда,
где иногда восседает насмешка...

Смотрю, но не вижу нигде ничего,
а если кого-нибудь где-нибудь вижу,—
так только в себе и себя самого...

Вдруг, невзирая на зрелости опыта,
меня пробирает внутренний трепет,
и чувствую, что продолжаю расти,
сам над собой возвышаясь все более...

Самоуверенность счастлива в роли
тени моей, проводницы моей.

Это... мое презрение.

8

Разверзлись глаза мои — как дымоход,
и дверью громадной распахнут мой рот,
но оно остается внутри — словно дым,
и душит меня, наполняя мой дом...

Рождается крик, но... как в тягостном сне:
роптаньем глухим утопает во мне...

Чем яростней вверх зашвырну, словно камень,—
тем яростней вниз полетит, словно камень...

Какое-то дьявольское число,
не делимое ни на какое число...

Это... мое страдание.

9

И ночью и днем съедают живьем.
Забыв о своем,
страдаю о вашем...

Со страстью остервенелой прачки
стараются синькой очистить мир...

Отстаньте, к черту, вы — мой кошмар,
звереют, хрипнут и крепче липнут,
как пчелы к меду, жужжа, дрожа...
Всегда — и воры и сторожа,
всегда — и слуги и господа,
мои — всегда, и ваши — всегда...

Это — мои раздумья.

10

Так брызжется с хрустом костер золотой:
вот — ветка со светом, а вот — с теплотой
способен вот так отломиться, звеня,
мой смех от меня,
и каплет роса доброты без конца
с лица моего
и даже с одежды моей, со всего...

Я снова похож на себя самого
и снова себя самого узнаю:
во мне победила порода отца,
и жизнь не испортила душу мою...

Какая бы сила меня ни носила,
я всюду — как дома, плохое забыто,
и главное — доброе, славное сердце,
подобно дверям телеграфа, открыто...

Во взгляде моем — теплота поцелуя,
в словах — долгота моего поцелуя,
от этого... могут родиться... младенцы...

Это... я весел.

11

Он — ваш переводчик всего (а чего?),
что стать не успело ни мыслью, ничем,
а было движением вашей души,
изгибом бровей,
игрою кровей...

Он — то, что в глазах,
в невинных слезах
у ваших детей,
желающих ту или эту игрушку,
он — то, что рождает улыбку-голубку
на лицах младенцев, похожих на вас...

И к вашему дому не зная дорог,
и к вам не входя никогда,
он все же — настолько вам преданный друг,
что на него не залает вовек
даже ваш преданный пес...

Да, это видит он — вместо вас —
ваши сны, вместо собственных снов...

Это... я — весь, как есть.

18, 31 декабря 1959 г., Тбилиси

СЕКРЕТАРЬ БОГА



РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Поэт в тебе родится тогда,
Когда понимаешь вдруг
Истинный смысл твоего труда,
Который в том, что твоя строка —
Письмо умирающего моряка,
В бутылку вложенное, чтобы зов,
Море времени преодолев,
Достиг хоть когда-нибудь берегов.

31 декабря 1961 г., Ереван



ПОЭТЫ

И они,
Как и все,
Задыхаются без кислорода,
Но только они
Без кислорода горят
И, обуглившись, воспламеняются.

Плачут они,
Даже если дают им сладчайшие сладости,
Плачут они,
Как в туннеле подземном
Стены плачут.

Смеются они.
Этот смех
Звонче звонкой монеты.
Весь мир от него богатеет,
Но только не сами поэты.

И потеют они,
Как стекло,
Если в доме тепло,
А снаружи
Царство стужи.

Если лгут они,
Лгут бескорыстно, как охотники.
Лгут по-другому,
Маскируясь под них,
Ловкачи со своими поддельными
справками.

И они,
Как и все,
Не смогли бы прожить без воды
и без хлеба,
Но при этом они
Не смогли бы прожить лишь водою
и хлебом.

Им завидуют.
Что ж! Только в разных столетьях
Выдаются порой времена,
Когда надо жалеть их.

9 октября 1961 г., Ереван



СУДЬБА ПОЭТА

Пускай тебе пера не дадут,
Ты все равно запоешь.
Пускай полномочий тебе не дадут,
Опровергнешь ты ложь.

Пускай тебя считают слепым,
Ты видишь невидимое для других.
Пускай тебя считают хромым,
Ты первым придешь туда,
Куда другой не дойдет никогда,
Путем твоим прямым.

По-разному каждого любит судьба.
Злою судьбу не зови!
И ненависть яростная подчас —
Только изнанка любви.

Пускай удачи не знаешь ты,
Должен ты знать наперед:
Только ищейкам всегда везет,
Искателям не везет.

Тебе разгадывать письмена,
Другому переводить.
Не чувствует боли акушер,
В муках тебе родить.

Они глашатаи века,
А ты народный тайник.
Они родниковую воду пьют,
А ты по призванью родник.

По-разному каждого любит судьба.
Зачем на судьбу пенять?
Другие рождаются, чтобы пьянять,
А ты рожден опьянять.

1961



ИЗНАНКА

Ивы для того,
Чтобы... реке указывать путь.

Дым для того,
Чтобы... ветер знал, куда ему дуть.

Кузнечики для того,
Чтобы... ночную тьму испещрять
Нотными знаками музыки своей.

Жаворонки для того,
Чтобы... песней своей осушить
Утреннюю росу.

Поздняя осень
Лишь для того,
Чтобы... вселенную расширять,
Роняя листву.

А поэты разве не для того,
Чтобы так вот
Наизнанку
Вывернуть все?

23 июня 1965 г., Ереван



ВЕЧНЫЙ ГОЛОД

Изголодалась душа
В этом словесном убожестве.
Высказаться бы, высказаться бы!
Слов настоящих нет.

И на цыпочки ты встаешь,
И шпионишь сам за собой,
Подслушиваешь сердце свое,
Где голоса — нестройный прибой,
Так что кружится голова.
Так трухлявые валятся деревя.
Так реки на карте заметны едва.
А притворяются, что журчат.

Так в сонном городе сторож ночной
Слушает словно издалека:
В темноте голоса нарастают
И, нестройные, обретают
Размах гениального черновика.

Город печален во сне.
На карте печальна река.
Печальны трухлявые деревя.

Голод в душах, голод в умах —
Вечный голод,
Где же размах
Гениального черновика?

25 октября 1962 г., Ереван



ЛУЧЕВАЯ БОЛЕЗНЬ

Мой друг, лучевая болезнь совсем не новая,
нет!
Не сегодня она родилась
Ей, по крайней мере, восемь тысяч восемьсот
лет.

Этой болезнью страдали
Индийцы и древние эллины,
Ослеп от нее Гомер.
От этой болезни умерли
Шекспир наш, ваш Нарекаци,
Все те, у которых легкие
Как полушария нашей планеты
Или же вместо легких — сердце.
Нет, не инфекционная,
Эта болезнь врожденная.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в радуге видит
Семь тысяч семьсот цветов;
Тот, кто слышит симфонии
Неудержимых молекул
В топорах, в молотках:
Оркестр мировой в руках.
Этой болезни подвержен

Тот, кто, глядя на черного буйвола,
Видит черный клавир,
Настроенный не для каждого.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в дикой скале
Видит Аджанту, Эллору,
Форум, Звартноц, Гегарт;
Тот, кто видит на чистом холсте
Магдалину и Тайную Вечерю;
Тот, кто видит: в прохожем юноше
Дремлет Гамлет, Отелло бодрствует.
Этой болезни подвержен
Тот, кто в своем одиночестве
Беседует с человечеством;
Тот, кто вращенье Земли
Своими чувствует пятками,
Трепет корней — ладонями,
Даже если ладони в воздухе;
Тот, кто царям не угоден,
Кто в тюрьме погибает
И при дворе погибает:
Награды ему во вред.

Мой друг, лучевая болезнь совсем не новая,
нет!

15 мая 1963 г., Ереван



ИСПОВЕДЬ

Во мне самом француза-вольнодумца
Услышал я, не внял я
Голосу моих благоразумных предков.
Святой отец Благоразумие!
Тебе в грехах я исповедуюсь.

Святой отец! Пускай ценою жизни,
Стереть хотел я слово «осторожно».
И это грех?

Святой отец! Подумал я, что можно
За правило принять неправильность.
И это грех?

Святой отец! Что, если будут ноги
Самим себе повиноваться,
Голове наперекор?
И это грех?
Что, если нам хоть раз в течение веков
Не налагать на слово «человек»
Эпитетов-оков?
И это грех?

Святой отец, где исповедаться
Не верующему в тебя?

Я жажду исповеди
Любой ценой:
Ценою отлученья
И вечного мученья.

Где мне исповедаться? Кому?
Святой отец Благоразумие!
Нет, не святой, нет, не отец!

14 июля 1963 г., Ереван



ОДИНОКАЯ ПРОГУЛКА

Возвышенный, жалкий, блаженный, до мозга
костей земной,
Стою посреди вселенной, и небеса надо мной,
И в них я смотрю,
Восторженный,
Словно... жрец.
Любви преисполнена, душа переполнена.
Я верю в Бога.

Хватаю за шею извилистый этот ручей
И в небесах сгибаю
Сверкающей дугой,
Которая без меня
Не потухнет, не рухнет.
Хлопаю ладонями,
И горы одна с другой
Бесшумно сходятся,
Соединяются,
И в самого себя
Поверив,
Я больше не верю в Бога.

Глажу ладонью лицо земли,
Первозданное слово шепчу,

Одно-единственное мягкое слово шепчу,
И, словно кошка, спину выгибает земля,
Вытягивается, изгибается хвост ее, русло реки.
Снова блаженный и вдохновенный,
Словно шутя,
Треплю по щеке ясноликое небо
И улыбаюсь
Я, как волшебник
И как дитя.
Сил преисполненный, весь переполненный,
Я понимаю Бога.

8 декабря 1962 г., Ереван



НАПРАСНЫЕ ИСКАНИЯ, ИЛИ СЧАСТЛИВОЕ ОТКРЫТИЕ

Ах, напрасно,
Конечно, напрасно мы ищем весь век
Драгоценные крохи,
Которые в долгой дороге терял Человек,
Чьи карманы дырявые,
Так что старушка Земля,
Эта добрая бабушка,
Все подбирает
И прячет к себе под подол:
В пыль, под камень,
В песок и под наст,
В мерзлоту
Или в каменноугольный пласт.
Расточителен путь,
Словно юноша;
Все, что упало,
Пропало
Под колесами
И под копытами,
Под каблуками
И под облаками,
Куда ни шагнешь,
Этот вечный грабеж, бесконечный грабеж.

И напрасно,
Напрасно мы ищем растаявший снег.
Нет, не крохи,—
Эпохи
В дороге терял Человек,
Чьи карманы
Давно продырявились.
Счастлив поистине тот,
Кто на древнем распутье
Дорог вековечных
Без всяких исканий
Случайно
Хоть что-нибудь снова найдет
При участии Солнца
И при соучастии глаз
И, не утаивая,
Возвратит Человеку-владельцу
Любую реликвию:
Крохи — останки
Добра,
Красоты,
Правоты.

Только так мы находим
Утраты былые свои,
Потому что иначе
Напрасно мы ищем весь век
Драгоценные крохи,
Которые в долгой дороге
Терял Человек,
Чьих карманов доселе
Залатать не успели.

4 декабря 1964 г., Ереван



ПРАВДИВАЯ ПЕСНЯ

Правдивая песня рождается так:
Ружье заряжено. Спущен курок.
Отдачу выдерживает стрелок,
И мертвым на землю падает враг.

11 июля 1961 г., Москва



СТАРЕЕМ...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!

Уже на наших сверстниц посматриваем по-братьски,
засматриваемся на молоденьких,
тех, что не смотрят на нас;
уже знакомство не обернется
ни новой любовью, ни песней,
неумелой, но искренней...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!

Наши буйные волосы давно уже поредели,
стали они прилизанными, уложенными на пробор;
наши вздорные пальцы стали во всем послушными,
а наши резвые ноги — сделались домоседами...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!

Пьем уже один день — три дня ощущаем тяжесть.
После часа прогулки — два часа разговоров
о безусловной пользе или ее вреде,
и разговор ведется с каким-то ожесточением,
будто и в самом деле мы совершаем открытие;

при этом слова «болезнь» или «выздоровление»
с каждым днем все настойчивее
склоняются и мусолятся
и даже не столько с жалобой,
сколько с тайной гордостью...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
Все меньше и меньше бродим —
не остается времени.
Редко грустим без причины —
слишком много причин.
Мало читаем — много пишем.
Много думаем — мало спим.
Потому-то слово «бессонница» стало для нас
панацеей,
чтобы хоть как-то нервы расшатанные успокоить...

Стареем, Паруйр Севак!
Стареем, дорогой!
И все-таки — как мне кажется —
мудрыми не становимся!
Даже теперь удивляемся —
не можем не удивляться,
и назад переводим стрелки наших часов:
думаем, что успеем наши дела доделать,
и в безысходном мире ищем какой-то выход,
мерим наш век надеждой, как Дон-Кихот ногами —
этим высоким циркулем со стершимся концом.
А если во сне нас кто-то топчет и попирает,
мы, как и прежде, с криком вскакиваем и... —

Стареем, Паруйр Севак!
И все-таки уму-разуму
не набираемся, нет!

10 декабря 1963 г., Ереван



ВЕСТЬ

Встречайте... встречайте сомнение!
Слышите? В двери ваши
Постучалось оно.
Что же! Встречайте сомнение!
Давно я сомнение встретил
И проводил давно.

Отпразднуйте встречу, как празднуют
Новое древнее сретенье!
Костер в груди разожгите!
По крайней мере, вовеки
Не будет сердцу темно.
Теперь вы сомненье встречаете,
Его проводил я давно.

Встречайте, встречайте сомнение!
Нет, я не пророк его.
Я только спасен сомнением.
Встречайте, встречайте сомнение,
Ибо всем нам нужна
Вера — не суеверие!
Вера — не суеверие!

28 августа 1965 г., Чанахчи



ОТСТУПЛЕНИЕ С ПЕСНЕЙ







ОТСТУПЛЕНИЕ С ПЕСНЕЙ

Отрывки из поэмы

А походил я на кота из сказки.
Его улыбка долго остается
после того, как сам он исчезает...
И светом моей веры можно было
оштукатурить небосвод ночной,
во всех пещерах мира,
самых мрачных,
зажечь такое множество огней,
как в самых царственных концертных залах...
Я — красоты твоей изобретатель —
ее, наверно, до меня не знали,
после меня ее, наверное, не будет...

В тени твоей высокой красоты
я задремал, а может быть, уснул,
отправив на каникулы сомненья,
укрывшись чем-то теплым, очень теплым —
наверно, это называется доверьем.
Теперь проснулся.
Разбудила ты!..
И с кончика пера
средь бела дня
на белую бумагу
упали капли невозможной ночи.
На белую, невинную бумагу,
такую чистую,
как ты вчера.

* * *

Похожи девушки на ивы,
очень быстро они растут!
Так выросла и ты!
Ты чувствовала то же, что и я.
Все то, что я любил, и ты любила.
Когда ты шла по улице, то сразу
смолкал кричащий суетливый город,
и слышал я одни твои шаги...
Так почему я их теперь не слышу?
Моя любовь к тебе была похожа
на спящего ребенка,
на ребенка,
который улыбается во сне.
Зачем его будить,
чтоб он заплакал?
А может быть, и сам я, как ребенок,
который спрашивает о давно известном?
Ведь мне известно:
похожи девушки на ивы —
очень быстро,
слишком быстро
они растут.
Вот выросла и ты!
И что же удивительного, если
в твоей тени
теперь другие отдыхают?!

* * *

Любимых не прощают!
Впрочем, что я?
Зачем все это говорю?
Зачем?
Ведь мне и не за что прощать тебя.
Ничто не связывало нас!
Ничто:
ни загс — бумажка с гербовой печатью,
ни клятва,
на которой не поставишь
печати,
ни штампованные фразы,
что ты нарушила.
Прощать за что тебя?
Мы обязательств никаких не знали.
Мы были, как два облака,
соединившиеся над землей весенней...
И вдруг оторвалась ты...
(Ветер?
Ветер не виноват —
он делал свое дело!)
И уплыла!
За что тебя прощать?
Желаю очень доброго пути!..
За что прощать?
Ведь ты, наверно, хочешь
дождем пролиться на других полях...
За что прощать тебя?
Счастливо! Лейся!

* * *

Но... говорить легко!
Осудив
себя на арест,
называемый домашним,
об апелляции не помышляя,

над радиоприемником сижу,
переключаю волны,
как иные
переключают вмиг свою любовь.

На улице мороз.

Большой мороз,
и посреди зимы мой старый друг,
которого все называют Брамсом,
приносит людям лето — свет и солнце.
И улетает птицею зима.

И полосы бумаги запыленной,
которыми проклеивают окна,—
вся эта запыленная бумага
спадает вмиг!

И сразу окна — настежь!
И лето входит царственно!
Я

по приказу друга моего,
которого все называют Брамсом,
вновь верю в чудо,
верю,

верю в чудо...

А лето руки простирает к нам,
оно уводит нас с тобою
вместе,
уводит в теплый пригородный лес...

Ты помнишь?

Я украшал тебя венком из листьев,
гирляндами цветов венчал тебя я,
как будто ты прекрасная яванка,
как будто мы живем с тобою в джунглях.

Ты помнишь?

Нет, конечно, ты не помнишь...

Хоть и на самом деле скоро лето,
но мы
 уже не будем жить друг другом.
А страждущая медленная пыль,
дождя дождавшись,
 будет пить дождинки
так жадно,
 будто это валерьянка,
как будто перед обмороком пить!

* * *

Как снег идет,
как над землею кружит!
Лежит он, тихий,
на карнизе дома,
лежит, как будто белая повязка
на лбу разгоряченном...
Слушай, слушай!
Мой лоб сейчас нуждается в повязке!

И я иду на улицу
лечиться.
Как снег идет!
Как долго снег идет!
Он — будто сеть невиданных размеров,
наброшенная на большую землю.
А я — как будто рыбина в сети.
Ташу ее с собой,
плыву вперед.
Куда плыву?
Не знаю!

Среди такой зимы,
 таких снегов
душа моя в пожаре и в горячке,
душа моя болеет малярией,

и ты — прошу тебя — не удивляйся,
что брежу я,
иду и брежу я...
Как снег идет!
Когда он перестанет?
Когда окончится беседа наша,
похожая на разговор глухих:
я говорю с тобой,
ты что-то слышишь
и понимаешь так,
как слышишь ты!

* * *

Когда продолжим мы беседу нашу,
которая зовется объясненьем,
то постараюсь я укрыть молчанье,
свое огромное молчанье спрятать
под гладкими знакомыми словами,
чтоб не обидеть чем-нибудь тебя.

Я умолчу о том,
что от меня
избавиться ты никогда не сможешь...
Я умолчу о том,
что, даже если
глаза закрою я, то и тогда
спиной —
сквозь сотни тысяч километров —
ты все равно почувствуешь мой взгляд.
И если ты когда-нибудь споткнешься,
не думай, что ухабы виноваты,
мой взгляд смущил тебя издалека!..

* * *

Троллейбус —

ни на шаг от проводов,
разбрасывает искры над собою,
он так их рассыпает,

будто это
тайный, упрямый невидимка
там,

наверху,
над проводами занят
электросваркою.

Он весь в работе!

А наши неспокойные сердца
так были спаяны,

как будто бы навеки,
и не было рубцов на месте спайки.

Так спаяны сердца,
как будто это
частицы в атоме,
а не сердца!

И вдруг мы отдаляемся?!

Послушай,
теперь все заучили наизусть:
при отделении неотделимого
клокочет страшная температура.

Всегда!

В свидетели беру я атом!

А вот от нашего разрыва возникает
такой жестокий холод,

страшный холод,
что даже климат может измениться...
В свидетели я полюсы беру!

* * *

Мороз, мороз, я знаю,
холод может
на самом деле напугать влюбленных,
тех,
у которых нет другого места
для встречи, кроме длинных зимних улиц.
И мы с тобой на улицах встречались!
Какой мороз!
А мы бродили в стужу,
превозмогали ветер
и топтали не только снег,
не только снег и зиму,
но и часы, медлительное время.
Разгоряченное дыханье наше,
отрывистое, жаркое дыханье,
казалось дымом выстрелов,
как будто
над миром
только что гремел салют.

Бродили мы, от холода дрожа
и съежившись от ветра, но зато
другие люди сразу согревались —
им стоило лишь поглядеть на нас.
Мы так бродили по земле морозной,
как первооткрыватели когда-то
брели по снегу к полюсам Земли.
Но разве ты не первооткрыватель?
Но разве я не первооткрыватель?
Ведь ты меня открыла,
я — тебя!

* * *

Еще мне светит прежняя любовь,
но тень разлуки где-то очень близко.

В том состоянье чувствую себя я,
которое знакомо даже солнцу.
Затменье солнца!
Да!
Затменье солнца!
Так пусть затменье это будет полным!
Пусть потемнеет так, чтоб я увидел
все звезды неба, каждую звезду,
любую женщину и девушку любую,
которых я не замечал в сиянье
твоей слепой, обманчивой любви!..

* * *

Весна все приближается!
Ее шаги я слышу.
А ты все дальше,
далъше.
Что ж, доброго пути!
Но ты запомни:
есть парки и бульвары.
Если только
однажды ты посмеешь к ним прийти,
знакомые деревья сразу спросят:
«А где он?
А что ж ты без него?»

Подумай,
как ты сможешь им ответить?!

А есть еще зеленая скамейка,
она тебя окликнет непременно,
ты от нее не сможешь убежать —
она в любой толпе тебя отыщет
и спросит очень тихо, очень горько,
«А кто это чужой с тобою рядом?»

Есть в парке пруд.
Есть лодки.
Если ты
захочешь в лодку сесть,
то скрипнут весла
и спросят:
«Как же так?!
Ты без него?..»

Есть в парке колесо.
Оно огромно.
Оно вздымается над парком круто
и кружит головы
влюбленным парам,
шутя подогревает их любовь.
Когда оно тебя с другим заметит,
то сразу в воздухе
начертит... нуль!..

* * *

На улицах — собрание ветров.
На перекрестках — совещание метелей.
О чем они судачат?
Что решают?
А я...

все обсудил давным-давно,
все для себя решил бесповоротно,
сумел открыть все то, что было скрыто,
и понял,
понял раз и навсегда:
ты —
 тот далекий, невозможный берег,
меж нами —
 бесконечный океан,
и если ночь на берегу моем,

то на твоем
сияет яркий день.
Любовь моя,
любовь,
ты — опечатка,
ты — опечатка,
да еще такая,
которую исправить невозможно.
От этого смысл жизни искажен!
Так что ж теперь мне остается делать?
А в городе на узеньких балконах,
Как будто бы на длинных сковородках,
неторопливо жарятся снега,
и пар над ними медленно клубится.

А с крыш крутых,
с нахмуренных карнизов
на землю плюхаются клочья снега!
Так неприкаянно лежат, как будто
они уже от солнца опьяняли!
Все тротуары в лужах,
в синих лужах,
как будто лужи доказать хотят,
как тротуар неровен,
как негладок,
хотя он кажется предельно ровным...
Я с глаз стираю

сразу все сомненья
простым движением своей руки,
вхожу в кинотеатры:

может, там
на час-другой я от себя избавлюсь.
Но на экране, будто бы нарочно,
на рыбный лов уходят рыбаки.
Ты знаешь,
что, когда любая рыба,

пусть самая большая,
получает удар безжалостного гарпуна,
ей все равно не ускользнуть от смерти,
она погибнет
рано или поздно!

* * *

Мне хочется сказать тебе два слова,
Вхожу в кабину телефона-автомата
и тут же вспоминаю инстинктивно,
что было время,
слушал я тебя,
и трубка постепенно раскалялась
от слов твоих и шепотов любви.
И мне казалось, остается в трубке,
как мозг в костях,

твой невесомый голос,
и мне хотелось трубку раздробить
зубами,
чтоб до голоса добраться!
Теперь, наверно,— если позвоню,—
по трубке, как по темному туннелю,
медлительно пройдет спокойный холод
и невозможная сквозная ложь...
И я, опомнившись, бросаю трубку,
я стряхиваю трубку,
как зверек
ежа торопко стряхивает с лапы.

* * *

Эх, если в жизнь загробную не верит
сам римский папа,
то куда уж мне!
Но у любви на самом деле есть

своя,
потусторонняя,
вторая,
иная жизнь,
которая зовется
воспоминанием.
И эта жизнь
кончается со смертью человека.
Живет моя любовь второю жизнью,
вновь обновляя,
снова возрождая
все то, что было
и чего не будет...
От боли и страдания оглохший,
как музыку, я слушаю тебя,
твой голос слышу
и твои слова.
На них, как на дрожжах любви,
вся жизнь сейчас замешана.
Как этот город,
замешанный на щебетанье птиц...
На улицу себя бросаю снова,
кидаясь в пасть метели,
из нее
ты появляешься передо мною
в одежде легкой, радостной, весенней,
любовь свою улыбкой утверждаешь,
спокойною улыбкой, от которой
сомнение любое убегает,
как убегает от рассвета ночь...
Все то, что называется обидой,
я не сумею долго сохранять —
обида постепенно исчезает.
Проходят слезы,
высыхают слезы.
Хотя мою звериную тоску

не уничтожить даже оскорбленьем...
Свои глаза я плотно закрываю,
но под моими веками неслышно
вдруг открываются твои глаза,
твои, родные, близкие до боли,
в которых, если ты смотрела в небо,
порой задерживались облака,
задерживались на решетке
твоих густых изогнутых ресниц.

Глаза твои
и черные ресницы!

В них добровольно я оставил сердце
в обмен на малое —
твою любовь.

Теперь твоей любви не существует,
освободи заложенное сердце,
оно ведь лишь заложник,
а не пленник!

* * *

Была любовь для жизни точной пробой,
которая на золоте лежит.

И если жизнь моя без этой пробы,
все золото мне кажется фальшивым!
Фальшивым даже в собственных глазах!

* * *

Ловлю себя на месте преступленья!
Наполнено оскоминою сердце,
все это — от любви твоей неспелой.
Обманутый, смертельно пораженный,
я все же до конца искореняю
бурьян сомнений,
чтобы мне потом
вновь земледельствовать!

Я гордости своей
высокую стипендию назначил,
ее протестов я уже не слышу...
И боль свою, густую, как чернила,
я растворяю,
разделив ее
на зыбкую, прозрачнейшую воду
и синеву небесной чистоты!
От самого себя в глубокой тайне
опять люблю тебя,
люблю тебя!..
После всего того, что с нами было
в невероятных муках,

в страшной боли,—

и все ж таки
опять любить тебя?!

Как это странно!
Это так же странно,
как то, что рыбы,
медленные рыбы,
всю жизнь живущие в соленом море,
солеными не станут никогда!

* * *

У всех домов сегодня
сильный насморк —
с утра сегодня снова тает снег.
Пусть холодно еще,
но этот холод
обозначает, что весна близка!
Что шар земной, как юноша,
опять
мужать начнет.
Зелеными усами

его большие губы обрастут,
и ломким басом он попросит бритву...

Подымутся ручьи, речушки, реки!
И если б все сейчас замолкло,
ты
из дальней дали,
невозможной дали,
смогла услышать, как в бессонных жилах,
в моих распухших жилах кровь клокочет,
рекочет, как подземная река!
Поднимутся ручьи, речушки, реки!
И воды в реках рыжеватым цветом
напомнят йод...
Нет, сами станут йодом,
чтоб раны бедных берегов лечить —
те раны, что нанесены весною...
Но берега не вылечатся так же,
как я не вылечусь от ран твоих.

* * *

Уже зима готовится к отъезду,
неловким кашлем простищает горло...

И я уеду!
Прерываю крик,
зажавши рот
моей рукою гордой...
И я уеду!
О, если бы существовали ноты,
которыми записывают мысли,
я б стал
Бетховеном наверняка,
оглохшим от невероятной боли,
наполненным мелодией любви!..

Уеду!

Завтра я вздохну свободно,
вздохну свободно на пустом вокзале,
похожем на разбуженный вулкан.
Из кратеров тяжелых паровозов
дым в небо вырвется!
И мне опять
покажется, что скоро хлынет лава.
Ты не услышишь моего дыханья!

Уеду далеко

и безвозвратно.

Присяду около людских сердец,
согрею их своею добротою,
согрею их своей любовью жаркой!..

* * *

Любовь, как новоселье,
и любовь,
лишившаяся крова,—
как знакома
старинная история, которой
все время повторяться суждено!
Она не устареет,

не поблекнет,

как плач ребенка,
смерть или рожденье,
как высохшие старческие лица.

И точно так же

никогда не устареют
беседы Баха с выдуманным богом,
знакомые сомнения Отелло,
двоюродного брата моего.

Роль нелюбимого,

отвергнутого роль

могу сыграть я с легкостью,
с которой
становится дальтоник живописцем
и человек без обоняния вдруг
известным дегустатором!..
Но только
отвергнутым я не был никогда,
отвергнутым я никогда не буду!
И невозможно не любить меня!

Я знаю:
как в немолотом зерне,
в его тупом мешке, природой сшитом,
хлеб дремлет будущий —
в душе моей —
уверен! — есть любовь,
что станет хлебом,
как только время этому придет...
И если я сегодня отступаю,
то отступаю, чтоб начаться снова!

* * *

Не слышно музыки,
когда гремят слова!
Я замолчу сейчас, чтоб зазвучала
мелодия:
я отступаю... с песней!
— Я воссоздал тебя,
я воссоздал
любовь!
Ты жить должна
с любовью вместе,—
так шепчут отступающие губы...

Не подражай в любви!
Не подражай!
Сама дай образцы любви высокой,
я повторяю это, отступая!..

Благословенна будь,
как и была,
пусть даже от меня вдали,
пусть даже
не для меня,
благословенна будь!..

Пусть будут навсегда благословенны
твои величественные имена,
звучавшие то «Женщиной»,
а то

«Любовью»!
Пусть твой уход благословенен будет,
звучавший эхом нового прихода!..

Благословенно будет пусть мое страданье.
От него не умирают.
Оно рождает заново людей!..

Пусть будет навсегда благословенен
отъезд мой,
отступление мое.
Я отступаю...
Отступаю... с песней!

Март 1961 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Э. Межелайтис. Певец добра и света</i>	3
---	---

ДЫМ ОЧАГА

<i>Октябрю, юноше в день рождения! Перевод Р. Рождественского</i>	15
<i>Трехголосая песнь.</i>	
Первый голос. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	19
Второй голос. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	21
Третий голос. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	23
<i>Бессонница. Перевод В. Микушевича</i>	24
<i>Тоска. Перевод В. Микушевича</i>	26
<i>Руки матери. Перевод А. Коренева</i>	28

ЧЕЛОВЕК НА ЛАДОНИ

<i>Кузнец и ювелир. Перевод В. Микушевича</i>	33
<i>Хочу. Перевод А. Коренева</i>	34
<i>Завидую. Перевод А. Коренева</i>	37
<i>Я рожден... Перевод А. Коренева</i>	38
<i>Мечтаю. Перевод А. Коренева</i>	39

Жить бы... <i>Перевод А. Коренева</i>	41
Сожалею. <i>Перевод В. Микушевича</i>	43
Воспеваю. <i>Перевод А. Коренева</i>	44
Дарю. <i>Перевод А. Коренева</i>	46
Ненавижу. <i>Перевод А. Коренева</i>	49
«Как содрогаюсь я...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	51
Восхищаюсь. <i>Перевод А. Коренева</i>	52
Обещаю. <i>Перевод А. Коренева</i>	54
Схожу с ума. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	57
Верую. <i>Перевод В. Микушевича</i>	58
Сомневаюсь-утверждаю. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	61

ДА БУДЕТ СВЕТ

Да будет свет

Утренний свет. <i>Перевод В. Микушевича</i>	65
Свет благодатный. <i>Перевод В. Микушевича</i>	68
Старые шрамы этого мира. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	71
Миру нужна чистота. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	73
Протяженность тоски. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	76
Вечер. <i>Перевод В. Микушевича</i>	79
Вместо письма. <i>Перевод В. Микушевича</i>	81

Маски

Одноглазый. <i>Перевод К. Авакянц</i>	84
Природа вещей. <i>Перевод М. Еремина</i>	
Часть первая. Лицо и маска вещей	85
Часть вторая. Добро и зло вещей	87

Дары полувека

Задание вычислительным машинам и точным приборам всего мира. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	89
Незадачливый мир. <i>Перевод В. Микушевича</i>	94
Прикосновение мгновения. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	96
Саргiccios (Причуды приветствий). <i>Перевод В. Микушевича</i>	
Здравствуй!	97

Доброе утро!	100
Добрый вечер!	102
Доброй ночи!	103
Добро пожаловать!	105
Счастливо!	108

ТЫСЯЧЕПЕРВАЯ НОЧЬ

А д р е с т о т ю

«Ты». Перевод Д. Голубкова	113
Имя твое. Перевод Ю. Мориц	115
Твоя красота и ты. Перевод В. Микушевича	116
Цена мечты. Перевод Ю. Мориц	117
Тысячепервая ночь. Перевод В. Микушевича	118
Тоска лунатика. Перевод В. Микушевича	120
Головокружение. Перевод Ю. Мориц	122
Разлука. Перевод Ю. Мориц	125
«Твоя незрелая любовь...» Перевод Д. Самойлова	127
Тебя нет и не будет. Перевод О. Чухонцева	128
Когда застыает взгляд. Перевод О. Чухонцева	130
Письмо. Перевод Ю. Мориц	132
Успокой меня. Перевод О. Чухонцева	134
В жизни встречаемся мы случайно. Перевод О. Чухонцева	137

Снова не любят, любят вновь

Любовь. Перевод В. Микушевича	138
Рожденная в одежде. Перевод В. Микушевича	140
Мой горизонт. Перевод В. Микушевича	142
Анализ тоски. Перевод Ю. Мориц	144
Так не любят. Перевод О. Чухонцева	146
У дверного звонка. Перевод В. Микушевича	148
Под ношей. Перевод О. Чухонцева	150
Путешествие вспять. Перевод О. Чухонцева	152
Бесшумный колокол. Перевод В. Микушевича	155
Повседневное чудо. Перевод В. Микушевича	158

Трепет нерва. <i>Перевод В. Микушевича</i>	160
На стоянке такси. <i>Перевод В. Микушевича</i>	163
Простое желание. <i>Перевод В. Микушевича</i>	165
Секретарь бога. <i>Перевод В. Микушевича</i>	167

СЕКРЕТАРЬ БОГА

Мимолетные песни

Безусловное условие. <i>Перевод В. Микушевича</i>	171
Искусство. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	173
Жизнь поэта. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	174
Одиночное дерево. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	175
Всего лишь... <i>Перевод Ю. Мориц</i>	176
Корни. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	178
Боль так часто нас гонит вперед. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	179

Наклонись, скажу на ухо

Откровение (Вместо пролога). <i>Перевод В. Микушевича</i>	180
Ходячее воспоминание, или Огнеопасная кровь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	182
Перед печкой. <i>Перевод В. Баласана</i>	183
Как високосный год. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	184
Тайная мечта. <i>Перевод В. Баласана</i>	185
«Я слышу розы красной крик...» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	186
На языке телеграфа. <i>Перевод В. Микушевича</i>	187
Песок-барс. <i>Перевод А. Коренева</i>	189
Без конверта. <i>Перевод В. Микушевича</i>	191
Мой род занятий. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	192
Будильник. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	193
Не без боли. <i>Перевод В. Баласана</i>	194
Я — счеты. <i>Перевод В. Баласана</i>	195
Я не резинка, а бумага. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	196
Минуты разочарования. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	197

Язык воды. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	198
Дождевая соната. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	199
Заглавия в конце. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	203
Секретарь бога	
Рождение поэта. <i>Перевод В. Микушевича</i>	209
Поэты. <i>Перевод В. Микушевича</i>	210
Судьба поэта. <i>Перевод В. Микушевича</i>	212
Изнанка. <i>Перевод В. Микушевича</i>	214
Вечный голод. <i>Перевод В. Микушевича</i>	215
Лучевая болезнь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	217
Исповедь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	219
Однокая прогулка. <i>Перевод В. Микушевича</i>	221
Напрасные искания, или Счастливое открытие. <i>Перевод В. Микушевича</i>	223
Правдивая песня. <i>Перевод В. Микушевича</i>	225
Стареем... <i>Перевод О. Чухонцева</i>	226
Весть. <i>Перевод В. Микушевича</i>	228

ОТСТУПЛЕНИЕ С ПЕСНЕЙ

Отступление с песней. (<i>Отрывки из поэмы</i>). <i>Перевод Р. Рождественского</i>	231
--	-----

C28

Севак Паруйр.

Избранное. Стихи. Пер. с арм. Вст. статья
Э. Межелайтиса. Сост. М. Авакян и А. Аристакесяна. Худож. оформл. А. Голицына.
М., «Худож. лит.», 1975.

256 с.

Настоящий сборник составлен из произведений, наиболее полно представляющих сложный и самобытный мир одного из талантливых поэтов современной Армении Паруйра Севака. В книгу вошли стихотворения и отрывки из лирической поэмы «Отступление с песней» из трех сборников, вышедших на армянском языке: «Снова с тобой» (1957), «Человек на ладони» (1963), «Да будет свет» (1969).

**C 70403-246
028(01)-75 117-75**

C(Арм)2

Пару́йр Севак

ИЗБРАННОЕ

Стихи

Редактор *A. Макинцян*

Художественный редактор

B. Горячев

Технический редактор

T. Таржанова

Корректор

M. Пастер

Сдано в набор 27/XII 1974 г. Подписано в печать
14/V-1975 г. Бумага типогр. № 1. Формат 70×108^{1/2}.
8 печ. л. 11,2 усл. печ. л. 8,301+1 вкл.=8,338 уч.-изд. л.
Заказ 206. Тираж 25 000 экз. Цена 1 р. 01 к.

Издательство «Художественная литература», Москва,
Б-78, Новобасманская, 19.

Тип. изд-ва «Коммунар», г. Тула, ул. Ф. Энгельса,
150.

